

Сергей Усков

НЕБЕСНАЯ **МЕТКА**
ЧЁРНАЯ **МЕТКА**

Сергей Усков

Небесная черная метка

«Э.РА»

2014

Усков С.

Небесная черная метка / С. Усков — «Э.РА», 2014

Когда приходит истина? Когда появляется спасительный навык отделять зерна от плевел, иллюзии от идеала? Надо ли для этого ждать редкостного снегопада в фиолетовой мгле, в котором иллюзии, фантазия и реальность вдруг объединяются в мистическом кружеве событий, чтобы сообща сбросить, наконец, пелену с уставших глаз. Или надо пережить необыкновенную любовь, когда иллюзии одна за другой превращаются в пыль и прах? Или же суметь сохранить в оголтелом пролетарском экстремизме, покушавшего изменить основу жизни, чистый свет души, с которым когда-то «водила молодость на кронштадтский лед», как полуфабрикат человеческого материала для будущих поколений. А то и через увлечение новомодными оздоровительными практиками увидеть истинную дорогу к личному бессмертию, в точности повторяя известный постулат «от великого до смешного один шаг».

Суметь противостоять вековым заблуждениям. Так или иначе, в той или иной мере, но обо все этом сказано в предлагаемом сборнике. Для пущей основательности добавлены два рассказа из книги «Пирамиды преступных желаний», и в качестве тонкой интриги – две главы из книги «Русская ось колеса Сансары», эпиграфом к которой служат строки из романа «19Q4» Харуки Мараками и один из принципов легендарного Георгия Гурджиева.

© Усков С., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

Небесная черная метка	5
Ее сто первый мужчина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Усков

Небесная черная метка

Небесная черная метка

«Нам книги вырыли могилу»

Э. Верхари

В вечерних сумерках сыпал крупный жемчужно-белый снег. Взъерошенные снежинки величиной с жухлый березовый лист в пору золотого листопада, суматошно проплясав долгий путь с небесных круч, мягко ложились на стылую твердь. Точно неисчислимые вассалы грянувшей зимы, торопились выбелить цепенеющий окрест: землю, деревья, высотные дома, фонари, дороги – очертания которых растворялись в снежной кутерьме, и желтые пятна окон мерцали как далекие звезды неопознанных миров.

Два уличных фонаря на автобусной остановке были окутаны оранжевым облаком искусственного света, казалось бы, безмятежно разлившегося и уходящего вдаль бесконечной гирляндой желто-белых шаров. На этот крохотный оранжевый островок света вдруг вынырнул длинный грязный автобус с озабоченно рыкающим мотором и встал, как вкопанный. Открылись двери, и из темного нутра битком набитого салона выскочил юноша. Он был одет в черную дубленку до колен, над поднятым воротником которой возвышалась черная норковая шапка. А из-под шапки выглядывало тонкое усталое лицо присмирившего от каких-то нелегких и тягостных мыслей совсем еще молоденького паренька.

И в тоже время любопытство и надежда, с чем ждут чудес в новогоднюю ночь, временами оживляли грустные глаза. В один из таких моментов, когда между плечами и спинами юноша узрел в заиндевелом окне обшарпанного салона что-то, разительно отличающееся от сутолоки хмурых пассажиров, и в мгновение решил нарочно выйти из автобуса за несколько остановок до своей. Выйти, чтобы поглядеть на роскошный снегопад в фиолетовой мгле, побыть наедине в самой гуще снега и найти окончание пытавшим его мыслям.

Тогда, еще в автобусе, взглянув на странное смещение как будто бы хаотичного движения тончайших кристаллов воды, вбирающих краски уходящего сумрачного дня, юноша подумал, что не иначе как в этот снегопад произойдет нечто значительное, и что никак нельзя упускать эти мгновения. Надо вдоволь нагуляться в торжественном падении снега так, чтобы почувствовать себя, скажем, одиноким деревом, которому выпала злая доля выдержать натиск нашествия снежной армады – не согнуться и не сломаться, в корнях сохраняя жизнь. Сравняться с самим снегом и постигнуть его мертвящее великолепие. Стать безымянной частицей творившегося природного действия.

Подобные редкостные снегопады происходят исключительно накануне чего-то примечательного, важного, таинственного – не такого, как прежде. Это редкая минута откровения и познания одной из граней великой тайны бытия, где любовь, возможно – краеугольный камень. Но какая она, эта любовь, к чему и к кому?

И, когда он уже шагал среди бешено кружившихся снежинок, необычная тревога живо будоражила воображение. Верилось, что еще одно мгновение, еще один шаг – и ясность придет во все его дела и мысли. «Хотя, это очень уж наивно. Разве может быть такое, чтобы одно мгновение вызвало к жизни какую-то чудодейственную мысль – и былое, мрачное и мятущееся, прахом разлетелось бы в таргарары? Нет, это невозможно. Слишком много скопилось неприятностей, и слишком большая из них лепится беда. Почему, осторожно оглашая в себе это, как будто бы благодатное слово – любовь, все во мне отзывается ноющей болью?.. Как удиви-

тельно, – думал юноша, – и это в такую пору, в такую погоду, когда холод, злой хозяин, озабочен лишь тем, как скорее уничтожить малейшие признаки исчерпавшей себя жизни, и этот удивительный снег есть всего лишь результат охлаждения перемещающихся воздушных масс. Но это же не так! Ах, этот снег! У снега тысячи лиц и названий. Крохотные физиономии снежинок строго индивидуальны. С чего бы вдруг, именно в эту пору, я жажду красоты и спешу искать ее следы в обледенелом заснеженном царстве. Это, скорее, какая-то чудная блажь. Не лучше ли подумать о домашнем тепле, о чашке чая, о искусственном свете, о вечерней газете, о простой и милой девушке Тане, недавно поступившей к нам на работу – поискать удовольствие вот в этих понятных занятиях, а не бежать сломя голову за какой-то чистой и возвышенной радостью в жестокий мир, объятый холодом и хаосом. Господи, как я хотел бы забыть эту тревогу и жить привычной канителью: работа, дающая материальные средства, часть из которых пустить благоразумно на сбережения, другую часть ухлопать на все, что может занять и развлечь: книги, музыка, театр, путешествия и пр. и пр.; разрабатывать перспективу создания семьи и подыскивать себе достойную девушку – это хорошо, это понятно. Да вот стоит начать жить по такой схеме как старая подружка хандра погрузит то в сон, то в беспокойство, подтолкнет повыть на холодную никчемную луну, ехидно напомнит, что самое главное, самое ценное, подлинное – упущено. Упущено! Почему я тревожусь тем, что не могу понять? Что не дает покоя: неуемная гордыня? Сомнение в правильности выбора объекта своего внимания? Откуда ощущение, что занимаюсь несусветной чушью, и никогда мне не полюбить по-настоящему простую и милую девушку Таню. А я, отрекаясь от нее и собираясь, к тому же, уволиться с работы на механическом заводе, верно, менее всего годен на изобретательство чего-то качественно нового, недостающего. А вдруг его и выдумывать не надо – оно рядом, протереть глаза получше, сердце открыть настезь, пнуть ногой комок снега и невзначай обнаружить в поднявшемся снежном вихре – клад золотых монет! Тайный старинный свиток с утерянной истиной! Придирчиво рассматривая, анализируя вехи истории, без особого труда можно сразу отметить, что тысячи лет человечество добивалось того, что называется гармонией, и вся история – история попыток ее создания. Где-то щепок нарублено больше, чем построено; где-то крови пролито больше, чем рождено новой. Различные идеи, коллизии, планы, проекты, институты мировоззрений; беспощадные баталии как мировоззренческие, так и реальные с ужасающе смертоносным и разрушительным как оружием, так и сознанием. Зыбкая вера, что, якобы, есть новая парадигма, контур которой вот-вот обрисуетя. Негативное последствие грубых ошибок, просчетов, неудач собираются в угрожающую силу, готовую не то, чтобы потрепать миллиардное население новыми эпидемиями и катастрофами – саму планету превратить в облако пыли. Сколько исполинских умов тонкой вязью изощренной мысли пробовали объяснить вековечную загадку гармонии! И, между тем, если бы им сполна это удалось, мне не было бы нужды бродить здесь в кромешной тьме. Да что там! В самом деле, правильно мне говорят мои немногочисленные друзья: выбрось этот невнятный туман, эту дурость из головы, живи просто, как мы, довольствуйся уже тем, что есть, мол, каждому сверчку свой шесток. Будет горько – выпей стопку. Приземли свою мечту. Может быть, я так и сделаю... причем сегодня. Вот приду домой, сожгу все свои записки, томики любимых писателей, зарекусь никогда не думать о том, что лучше не знать. Баста! Работа у меня уже есть, есть и возможность перейти на более respectable место. Подыщу какое-нибудь увлечение, и не одно сыщу хобби. Останется изыскать способ, как снова подступиться к Тане. Она будет мой самый близкий человека, который и дополнит, чего мне недостает. Еще лучше суметь оставить Таню в прошлом – найти другую представительницу женской половины человечества. Не столь важно конкретное имя. Она – женщина! Великое, благодатное создание природы! Она сможет заслонить своим богатым естеством тот дальний свет, что непонятно тревожит и восхищает. Ее осторожность, внимательность, чуткость, мягкость, ее строгая изобретательность и инстинктивное влечение к дому, теплу, ласке – вот, что мне нужно и что я смогу обрести, поселившись с ней под одной крышей. Я ее буду

любить и в одеянии нимфы, и кормящей наших детей, и с венником и тряпкой, прибирающей наш дом. Как бы только скорее увидеться, встретиться! Я хочу верить, что отчасти она такая же мечтательница, как, по большей части, и я. Это важно, потому что главное в семье – единомыслие и единодушие. Она уже имеет первый опыт реальной жизни, Она жаждет мужчину в постоянное пользование, чтобы утвердиться и раскрыться самой полностью. Я уверен, что она ждет меня. Ее щеки пылают от нескромных желаний и, вместе с тем, ее девический стыд стоит на страже и, как верный пес, гонит прочь чуждых временщиков, похотливых и самодовольных, снедаемых гадкою страстью сорвать и смять цветок вместо того, чтобы холить и нежить. Моя милая, я чувствую, час нашей встречи настал. Наверняка сейчас по моему тысячекратно повторенному желанию разверзлись врата сокровенных высших сил, и всемогущая главенствующая сила творит телесную форму моего мысленного образа. Еще мгновение – из снега, ветра и мороза сотворится самое желанное. Еще несколько шагов – я увижу тебя, моя женщина. Как по таинственному зову собираются весной и осенью птицы, так и мы вышли оба погулять в этом фантастическом снегопаде. Мы сразу узнаем друг друга, никогда прежде не видевшись. Мы обнимемся, как после долгой-долгой разлуки, расскажем, что было в неуютные годы одиночества, и навсегда соединим наши руки... чу! Что это? Что за странное движение там, вдали, у поворота? Верю я – это ты! Я бегу!»

Юноша решительно ринулся в снежную кутерьму. Вдруг – о небо! – послышался слабый вскрик и вслед за ним пронесся шум, какой бывает, когда падает человек. «Ага! – воскликнул юноша. – Я не ошибся. Она здесь! Мои позывные услышаны». Юноша живо подбежал к лежавшему неподвижно человеческому телу, предвкушая многорадостную встречу, схватил за обшлага шубы, приподнял, глянул нетерпеливо в лицо и – отпрянул. Увы! То была не она. В его руках была не прекрасная дева, но маленькая ссохшаяся старушка, похожая на восставшую из небытия мумию.

Он со смущением поставил старушку на ноги, на всякий случай извинился. Реликтовая бабулечка пугливо оглядела незнакомого парня и засемила мелкими шажками скорее прочь, охая и слабо причитая. Заспешила наперво к детским санкам, на которых лежал засыпанный снегом большущий мешок, взялась за веревку, привязанную к передней поперечине своего неказистого железного помощника, и черепашьям ходом поволокла поклажу.

Неудачливый искатель внимательно, ни на минуту не отрывая глаз, наблюдал за старухой. Что-то в ее облике поражало. Он вдруг захотел дознаться, что же его потрясло. Когда он поднимал старуху и обратил горящий жадный взор на ее лицо – холод прошел по жилам. Жуть! Никогда не приходилось видеть столь обезображенного увяданием лица: казалось, оно давно уже умерло, и бедная бабушка таскает на себе посмертную маску.

Кожа была пергаментного оттенка, высохшая и стянутая глубокой сеткой морщин. Зако-стевевшие морщины рассекали и стягивали синевато-черные губы так, что три кривых зуба выдавались над ними буграми. Шамкающий рот поминутно обнажал остальные редкие гни-лостные обломки, за которые зацеплялся то ли язык, то ли сами губы и щеки – голос дребезжал, шипел и потрескивал, как раритетная виниловая пластинка, которую давно пора выбросить. Брови и ресницы, похоже, напрочь выпали, что и следа нет. Глаза, как у рыбы, неподвижны, круглы и таинственны.

Должно быть, падение старухи, ее испуг исказили и сверх обычного обезобразили лицо, которое в дневном свете, пожалуй, не содержало бы такой уж умопомрачительной доли леденящего и омерзительного. Но в эти минуты... «Ну, ровно Баба Яга, как и Дед Мороз, спешат с одних зимних праздников на другие!» – подумал он. Это непритязательное полусхотливое сравнение неожиданно тронуло самые глубины, самое основание сегодняшнего настроения юноши и вызвало целую – вереницу фантастических образов.

Ведьма! Да это же ведьма! Настоящая ведьма!

– Эй, ты! – окликнул юноша. – Ты кто? Почему шастаешь по такой непогоде?

Старуха оглянулась и что-то глухо буркнула. Юноша слов не разобрал – голос ее шипел и скрежетал. «Полно!

Разве это благочестивая бабушка? А что, если нет вранья в старинных преданьях. В какой-то неведомый никому час восстают мертвые из гроба, в полнолуние перед Рождеством собираются ведьмы на шабаш. Земля, ее ноосфера, так пропитывается злом и отчаянием, что происходит обвал неудач, ссор, конфликтов, катаклизмов. А что, если сама верховная ведьма, сама Смерть пожаловала ко мне. Пришла, чтобы посмеяться надо мной, являя собой знак высшего предначертания, толкующего и внушающего, что все мои желания тщетны, что одна Смерть придет однажды и скажет: «Здравствуй, голубчик! Умаялся, поди-ка, бедняжка? Пора и помирать, дружок». Смерть одна – чего нельзя отрицать, что есть непреложная правда жизни. Видение Смерти – это намек на мое будущее. «...И тот, пред кем вся жизнь, расслышал зов могилы. Судьба счастливая дала мне первый день. Судьба жестокая второй мой день послала. И в юности моей не мед я знал, а жало...»¹

«... Чьи-то вздохи, чье-то пенье,
чье-то скорбное моление.
И тоска, и упоенье, —
точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, —
и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится,
никому и никогда.
Это мчатся духи ночи,
это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи
мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит?
Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может
петь отрадный гимн небес?
Все сильнее звучит их пенье,
все слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья
неизменная печаль, —
Точно их томит тревога,
жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много,
точно им чего-то жаль...»

Если мне и впрямь довелось раньше моего часа узреть Костлявую, сделаю же доброе дело: в обмен на свою жизнь вырву у Костлявой тайну гроба рокового. Удача! Удача! В жизнь входит высший свет!.. Однако, это всего лишь очередная чушь, бред, пустая фантазия... и также, однако, истина чаще является, когда разрушен привычный порядок вещей, как ломают скорлупу ореха, чтобы добраться до ядра. Что порой вдохновляет и побуждает творить, создать реальное как будто из ничего? Пустота, оказывается, есть квинтэссенция энергии. И то, что не видит и не слышит один – прекрасно видит и слышит другой. Так же, как разная палитра чувств, развитость и способность улавливать тончайшие движения челове-

¹ К. Д. Бальмонт. Под северным небом. М., изд. В. В. Пашуканиса, 1917 г.

ской души. Бывает, что невидимое и неслышимое оживает и путаешься: это ли голос рождающихся мыслей? Это ли голос высших сил? Или достигших совершенства человеческих душ? Что, если это все одно целое, единое одной природы, и дремлет до поры во вселенских просторах мозга? Войти в такое откровение, как добиться нирваны – сложно и дано не каждому. Я помню сеансы спиритизма. Я присутствовал на них. Присутствовал как раз, чтобы найти опровержение в творимом медиумами действию, уличить в подтасовке, в невежестве и тут же разнести в пух темное суеверие. Дело в том, что моя сестра и ее подруга могут гадать по блюдечку, легко его оживляют, что никак не получается у других. Промежуток времени между Рождеством и Крещением был самый удобный, результативный для гадания. Не было отбоя от желающих задать вопрос и узнать судьбу у всезнающих духов. Вопросы писали на листочках и с умоляющим видом всучивали сестренке-медиуму. Так вот, когда в крошечной тьме, при слабом отблеске дрожащего пламени свечи, блюдечко начинало вращаться, я ощутил присутствие вызванного духа, и даже без блюдца в голове моей проносился ответ на заданный вопрос. И я сверял ответ по написанному блюдечком – ужасался, потому что ответ был один в один с моим, уже присутствующим в моей голове. Оказалось, что способностей к медиуму во мне больше, чем у сестры. Пустота, окружающая нас, на поверку есть бушующий океан. Странное чувство восторга и ужаса потрясло меня. Я быстро вышел из комнаты и никогда больше не участвовал в спиритических сеансах... Однако, я снова отвлекся. Где же старуха? Неспроста она мне здесь попала. Вдруг да разрешится одна из моих тайных дум».

Юноша догнал старуху и снова ухватился за рукав ее шубы.

– Привет, Костлявая! – крикнул ей в ухо с напускным нахальством.

Старуха разом вытаращила на него свои рыбы глаза.

– Как дела на том свете, ведьмочка ты распрекрасная? – продолжал юноша, несколько куражась. – Хватает ли огня на адской сковороде? Ароматен ли дух поджаривающихся человечков? В чем справедливость Всевышнего суда?

– В своем ли ты уме, паря? – изрекла, наконец, разом посуровевшая старуха. – Пьян? Мухоморов наелся? Чего курил?

– В своем, своем уме. Не бойсь, Костлявенькая. Настрой у меня, может быть, не совсем обычен – соответственно расшалившейся природе... так здравствуй же, Костлявая!

– Зачем обзываешь? Для чего обидеть хочешь?

– Да нет же, кикимора ты болотная! Ты же ведьма, признайся. А ну, признавайся... дружище, как я рад этой встрече. Дай обниму.

– Обижает ты старого человека, – отстранилась старуха.

– Зачем мне обижать тебя. Напротив, я бы многое отдал, ежели бы это было правдой. Очень уж ты смахиваешь на воплощение нечистой силы, которую кличут в простонародье – Смерть или Костлявая. Расскажи-ка, сколько жизней отняла, сколько свечей задула? Сколько глаз молили о пощаде, сколько рук цеплялось в надежде выпросить лишнюю минутку жизни, не зная даже, зачем она ему. Скажи, знаешь, зачем мгновения жизни даны? С какими словами переходят в мир *иной*? Поведай, какие предсмертные тайны ты знаешь. Ну, начинай.

Юноша грозно подступил к старухе. И распростерся над нею, как непоколебимый светлый ангел высшего правосудия. Она попятилась, судорожно глотая воздух. Молодому человеку вдруг стало смешно: страх старухи был столь неподделен, а он сам – отчаянный, неисправимый фантазер. Пелена, в которую тшился поверить, в мгновение слетела.

– Прошу извинения. Великодушно простите. Я, кажется, вас напугал. Это было маленькая не совсем уместная шутка. Но, все-таки, ты разве не ведьма и тебе не тысячу лет?

– Я не ведьма... я пенсионерка. Бывшая колхозница.

– Почему же другим является нечисть: черти, ведьмы, приведения, и даже владыка темного царства, предлагают сделки, – примеров тому немало – мне достаются отбросы и остатки,

нелепица. Кабы в самом деле ты была из мира теней... Не бойся меня: на твой взгляд я немножко странен – это ерунда, ведь у каждого свои причуды. Как мне хочется встретить живое осязаемое существо – хранителя великих и чудесных тайн. Я бы отдал все, что у меня есть: голову, душу, эту классную дубленку... невзирая на лютый мороз. О, я многое хочу изведать, объять взглядом пространство времени.

«Во всем мне хочется дойти
До самой сути:
В работе, поисках пути,
сердечной смуте...
До сущности протекших дней,
До их причины.
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать,
чувствовать, любить,
Свершать открытья.²

Юноша перевел дыхание и продолжил:

– Чу, воплотитесь силы потусторонние. Случись так, ты – лучший вариант для воплощения!

– Никакая я не ведьма, и никогда мне ею не быть. Нечего мне на себя напраслину возводить. Я пенсионерка, бывшая колхозница, – твердила уязвленная старуха.

– Это всего лишь твое внешнее лицо. Известно, как у любого тела есть лицо и задница, так у души есть внешность и изнанка. Та изнанка, которую многие тщательно скрывают, в отличие от меня. Показывай-ка и ты, что ты скрываешь?

– Ничего, ничего я не скрываю, – быстро проговорила старуха.

Юноша приметил испуг и воодушевился.

– Ты упорствуешь! Напрасно. Ты умопомрачительно стара, и точно направились в музей этнографии, чтобы застыть там навечно, среди прочих восковых фигур. Не поверю, чтобы ты не думала о конечной черте, за которой иная жизнь. Призрак в белом саване должен быть твоим частым гостем. В полуночный час он зримее, он уже хлопчет тебе место в своем таинственном мире. Он ведет с тобой переговоры и приоткрывает завесу, эдакую маленькую щелочку, в мир другой по сути, где живут и здравствуют тени умерших. Скажи, старый мудрый человек, доволен ли до твоего сведения один из постулатов вечности... вечности, равной для всех? Скажи, что царит за порогом земной жизни: блаженный почтенный покой? Тени умерших создают питательную силу нашего брэнного мира? Все миры подвластны тлению, равно особой метаморфозе – и ты, прожив там какую-то новую жизнь, наделенную новым смыслом, либо снова возвращаешься к нам и воплощаешься, реализуешься лучшим образом, либо переходишь в мир еще выше, отдаленнее, противоположнее, совершеннее. А вдруг из наших душ зиждется галактическая праэнергия: вспыхивают звезды, и первородная космическая энергия начинает свой новый путь самопознания и самоусовершенствования на ступень выше. А что, если, умирая, вы присутствуете во всем как воздух, как стихия разнополюсных сил, бесконечно творя и разрушая земную обитель, а мы – куклы, орудия, игрушки в ваших трансформированных руках. Что нас ждет?.. Слышала ли ты об энтропии? Есть энтропия изолированной физической

² Б. Пастернак

системы, есть энтропия замкнутого сообщества, энтропия социума... Ладно, это слишком мудрено, но ты такая старая, хоть что-то должна знать. Я никогда не смогу поверить, что живем мы семьдесят-девяносто лет, что со смертью ставится жирная точка, тело весело поедается червями и микробами, размывается грунтовыми водами, а душа – это бред поэтов, искателей мистического неведомого. Я не верю! Законы материального мира этого объяснить не могут. Скажи мне что-нибудь. Почему молчишь? Посвяти меня в тайну, у края которой ты стоишь.

– Ничего я не знаю, паря. Я пенсионерка, бывшая колхозница. Я иду домой. Непонятны мне твои талмуды.

Юноша сразу как-то сник, отступил от старухи на шаг, нахмурился и спросил:

– Пенсионерка говоришь?

Старуха с живостью согласно кивнула несколько раз.

– Чего же ты тут делаешь? Все благоразумные люди, тем более пенсионерки и бывшие колхозницы, сидят по домам, отдыхая, кто – после трудового дня, кто – после трудовой жизни. Смотрят развлекательные передачи, сериалы, ток-шоу. Прихлебывают чай с лимоном и сладкой ванильной булочкой или что-то около этого, – сообразно финансовым возможностям.

– И я иду домой, везу картошку. Глянь, целый мешок на санках.

– Что! – вскричал юноша. – Картошка!? В этом мешке у тебя картошка? Ты занята лишь тем, что везешь какую-то банальную картошку. Бог ты мой! Какая низость и пошлость! Какое убожество! Послушай, старый человек, в твои ли годы последние мгновения жизни тратить, понимать – губить, на какую-то обыденную картошку. Когда же думать о душе? Когда же насыщать жизнь вечным и прекрасным?.. Брось немедленно эту дрянную картошку! Освободись от этих дурацких пут. Проклятый быт! Суета сует! «Суета житейская похищает душу человеческую...» Кабы ты знала, бабулечка, что это – самый подлый и коварный враг. Под его сладкой приятельской личиной прячется ехидное чудовище, похабное, грязное, вонючее, которое умерщвляет самую главную суть и превращает в тупое животное любого, кто поддался его наркотическим чарам... Старый человек, посмотри на чудный снег, на пленяющие тайной звезды, на искусственный свет рукотворных фонарей – скажи: зачем это? для чего? Зачем я, ты? Просто так, чей-то глупый каприз?

– Я не понимаю тебя, еще раз тебе говорю, – сухо и даже враждебно сказала старуха, взяла веревку, привязанную к санкам, напряглась и поволокла.

Юноша остался один. Было вновь досадно, обидно и горько. Он не высказал и крохотной доли того, что скопилось в душе, все эти ужасные и прекрасные смятения и волнения, предвкушения и предвосхищения. Единственный свидетель его спонтанного откровения оказался ужасно и убийственно чужим. Старуха уходила и сливалась со снегом.

«Я снова обманулся, – вновь обратился в тревожные думы юноша. – Опять неудача. Вторая за вечер. Выходит, я несчастный человек. Мудрые, впрочем, учили не унывать и не отчаиваться. Только вера в победу зиждет энергию, которая верно и неуклонно ведет к желанному счастью. Не беда, что моя далекая и еще не познанная подруга не явилась. Не беда, что старуха не оказалась Костлявой. Почему бабулька и тьма-тьмущая подобных ей уверились, что так и надо так и должно быть: запрячься и тянуть вечную лямку обывательских забот и тягот?.. Она несчастнее меня. Да-да! Хотя бы тем, что, надрываясь, тащит картошку. Ей бы помог кто... Точно, следует немедленно ей помочь. Ура! Я бескорыстно помогу беспомощной слабой старушке и тем самым оправдаю сегодняшний день. Ибо день, прожитый во имя высшей идеи делать добро, благо, сделать хоть шаг в познании и утверждении нового – есть первейшее условие моей душевной успокоенности, есть маленький кирпичик моего личного счастья. Счастья, когда целиком отдаешь себя, свое. Я хочу отдавать, не жалея. Итак, решено: старушка слаба и беспомощна, не встретить меня – ее бы точно занесло снегом... беспощадным холодным снегом. Но я подоспел вовремя: я помогу несчастной болезной бабушке, чем спасу и свой день, насы-

тив его и облагородив добрым делом. Какая удача! Каждое мгновение посвящать утверждению добра и справедливости. Наставления типа «падающего – толкни... пусть гибнут слабые и уродливые» не должны стать первыми заповедями нового человеколюбия».

Юноша догнал старушку и участливым, потеплевшим голосом сказал:

– Бабушка, давай я тебе помогу, устала ты, да и метель разворачивается, и мороз крепчает.

Он взял из рук старушки веревку, за которую она тянула санки. Старушка искоса пугливо посмотрела на неожиданного помощника, который, между тем, мягко ее отстранил и потянул санки.

– Ого! Тяжеловатенько! Ты не бойся, я тебе помогаю просто так, по доброте сердечной... Где живешь?

– Недалече, сынок, – подобрела и бабуля. – Прямо до кольца, потом налево в первую улочку, второй дом.

– Вот и прекрасно, нам почти по пути, идем же.

Визгливо хрустел уминаемый ногами и полозьями санок снег. Метель стихала, ветер становился порывистым и слабел с каждым новым порывом. Некоторое время они шли молча, ровно шли поодиночке. Юноша рассеянно спросил:

– Картошки куда тебе столько? Наверное, живность какую держишь?

– Что ты! Стара уж, да и в городе где скотинку держать.

– Бывает, что в гаражах держат кроликов, а то и свиней. У гаражей сколько будок! И кто-то в них гавкает, воркует, чавкает, пыхтит и хрюкает, стонет и воет. И ты, пожалуй, такую же мини-ферму имеешь.

– Куда мне! Ноги еле таскаю.

– А живешь с кем?

– Одна и живу. Комната у меня невеликая есть. Дом у нас не как у всех – гостиничного типа общежитием прозывают. Почитай, живут в нем одне старухи как я, да молодые, только что поженившееся. Энти недолго: квартиру заимеют – и поминай, как звали. Своих деток у меня нет. Был мальчонка, как ему два годика минуло – так и помер: время голодное было, война с лютым фашистом шла. Война и мужика моего забрала, погиб он, на третий год войны. Я тепереча соседкам говорю: кабы был у меня жив сын, разве я жила бы тут, хотя и не охаешь шибко дом наш. Неужто он тогда, сыночек мой, кровинушка моя, мне уголка махонького не нашел бы у себя дома. Срамота тем детям, что матерей, корни свои забывают... Не сберегла мальчонку. Когда он помер, вроде и не так жалко было: у всех почти каждый божий день кто-то да помрет – то с холоду или голоду, то похоронка придет. Ох, и время тяжкое было, не дай Бог испытать. После войны дом я справила... построила значит. Где-то колхоз помог как солдатке, но боле сама. Дом срубила сама не хуже мужика заправского. Крышу ставить и крыть нанимала работников: куплю водки, самогона нагоню – они и рады пособить. Плохо одной хозяйство вести: тяжело, рук не хватает. Но ничего как-то управлялась. Корову держала, овец, огород был. Не токмо кусок хлеба с маслицем всегда был, денежку про запас откладывала. Копеечка по копейке складывала – и тыщи получились. А под старость сила уходить стала, тут и беда недалече: незамогу я, кто печь затопит, кто по хозяйству стряпать будет, кто воды принесет из колодца, когда ноги у меня, не приведи Господи, откажут, а то ослепею – это и есть горе. Что мне тогда? В постели помирать от голода в холодной избе. Кому я такая старая и никчемная нужна буду?... Поди, и вонь от меня пойдет. Денежки все мои, тыщи мои, с которыми доживать хотела в тепле и заботе – пропали. Пропали, когда эта проклятая инфуляция началась. Ведь чего только не придумают, чтобы нас, простой народ, грабить... И налогами нас, крестьян, кукурузник душил. Паспортов не давали, чтобы из деревень не сбежали. Ох,

рассказать бы тебе всю нашу жизнь бедовую... ну, да ладно. Корову продала за бесценок, потому что немоготу стало держать ее. Козу завела. Так с козой и до смертушки моей дожила бы. А тут вдруг деревеньку нашу нарушать вздумали: места у нас шибко красивые: речка с лугами, рощи березовые, чуть повыше – вековые сосновые леса кругом. И новые бары-бояре у нас свою деревеньку учредили с высоченными кирпичными домами за каменными крепостными стенами. Нас, пригоршню старух, кто не успел помереть вовремя, отселили в город. Ох, как мне уезжать не хотелось, воем ревела. Все мне в избе моей знакомо и родно. С козлухой как жалко расставаться было! Начальник или прислужник тех, кто деревеньку нашу ломать придумали, пришел ко мне в избу, уважительный такой и хороший дядечка, поговорил со мной, обсказал, посулил, документ показал на снос избы и еще документ на комнату в городе. На другой день машина прикатила с дюжими ребятами, быстро они погрузили мои пожитки и свезли на новое место. Скажу честно, комната мне приглянулась: сухо, тепло, места хватает, топить не надо, вода какая хочешь из крана течет. Хочешь – горячую наливай, хочешь – холодную. Телевизор есть, холодильник, плитка электрическая.

– Не жизнь, а малина! Но чего-то тебе не хватает. Может, денег?

– Денег, известно, всегда не хватает. Пенсию вроде исправно платят, да мала пенсия, гроши какие-то. Как ее получу, пенсию, делаю расчет в тот же день, как дожить до следующей пенсии, сколько в день тратить рубликов будет позволительно. Еще и в заначку положить требуется... хоть самую малость, но положить.

– Хозяйственная ты, бабушка, предусмотрительная. А я было подумал, что спишь целыми днями, с боку на бок переворачиваешься.

– Сплю поболее, сынок, чем раньше. Молодой была – целыми днями робила, думала, ото-сплюсь на старости. Вот пришла старость – спится, да не так. Жить осталось, может, несколько годков... жалко умирать, хотя и жизнь подлючая чаще. Раньше сила была, так копейки получали и в одежке одной десятками лет ходили, война, разруха, потом вроде как жизнь справилась – опять какая-то инфуляция! Откуда она взялась, кто ее придумал? Говорят, чтобы русский народ по миру пустить все это придумано, чтобы сгнули; так фашисты от евреев освобождали землю... Однако и ее пережили, нынче гляди: машин сколько, ровно ходить разучились, через дорогу не перейдешь. Соседка моя шкаф деревянный купила, дак он дороже коровы!.. Скоро уж придем, вот и улочка наша началась.

– И часто картошку возишь? – зачем-то спросил юноша.

– Да где часто! Нет, не часто, – сказала старуха и, помолчав, лукаво прищурилась, воровато насторожилась, успокоено обмякла и тихо прошамкала:

– Картошечку энту я с базы слямзила... стибрила – получается. Мы с Анисьей, соседкой моей, на четвертой овощной базе, на сортировке картошки робим. Я смекнула: на воротах сегодня как раз Дашка стоит, соседка тоже наша, прихвачу с собой мешочек картошки – что мне, грешной, за него будет? Семь бед – один ответ. Зато с картошкой пол зимы буду. Ноне картошка пятьдесят рублей за кило! А водка – девяносто рублей! Когда такое было? В войну токмо было такое.

Неожиданная откровенность старухи, ее признание в воровстве на грани бахвальства снова жутким холодом покоробило юношу.

– Так значит, картошка ворованная! – заволновался он, распаяя себя. – Ты, старая перечница, ты – божий одуванчик, своровала картошку! Ты, оказывается, гнусная воришка! И меня втянула в это грязное дело. А я, дурак, ташу, стараюсь. Гуманизм. Милосердие. Сострадание... эх! Слова эти не для нас с тобой. Да и вообще – для кого эти слова!? У тебя наверняка на десяток таких мешков денег хватит! Но ты – ив самом деле расчетливая и бережливая, хозяйственная и смекалистая – предпочла просто-напросто стащить, что плохо лежит. Неужели так просто можно нарушить закон? Не мучаясь, не тревожась. Нет и тени переживаний! Знай же, одна из бед в том, что все мы, люди, живем не по закону, но по понятиям! Мы делаем то,

что выгодно в данный момент, но не как должно по закону, по установленному порядку, по правилам, у которых нет исключений! Понимаешь, нет у закона исключений, – с благородным гневом выпалил юноша.

Несколько мгновений он пристально смотрел на старушку – резко повернулся и решительно зашагал в обратную сторону. Старушка громко и спешно побежала за ним, причитая:

– Сынок, соколик, куда ты?! Разворачивайся. Что за напасть такая!

– Картошку я свезу на склад. А тебя следовало бы сдать в полицию. Вот куда!

– Что ты, сынок? Очумел? Да что будет с мешка что ли! Пожалей ты меня, старую.

– Ты можешь говорить что угодно. Мне все равно, что ты скажешь. Я знаю: самое главное – справедливость. И никогда не лгать.

– Ну, чего ради ты взялся мне пособить! Шел бы своей дорогой.

– Дорога у всех одна. Идти по ней надо вместе – иначе будет катастрофа!

– Какая корова? Я ничего не знаю. Я-то причем тут. Да за что мне на старости... да и всегда, всегда горе такое! Почему одни несчастья у меня да труд каторжный, всю-то жизнь маюсь! Ты знаешь, что пенсии у меня только-топочки на квартплату и хватило бы, ежели не субсидии. Ихнею субсидию чтобы получить – сто раз вспотеть придется, в ножки не одному поклоняться. Все мои сбережения сгорели в одночасье – заграбастал рыжий чуб с уральским пельменем, с кого спрашивать? Малая моя заначка уйдет сразу, как заболею по-праски. Ты бы посмотрел как в мои годы робили, и не платили ничего. Нас, баб, на лесоповал гоняли. Окопы рыли в полный рост. Мужика у меня убили, брата в лагерях сгноили, из избы моей выгнали новые бары-бояре, землюшку кормилицу отобрали, чтобы хоромы свои барские построить. Козу милую продать пришлось. Скажи, где твоя справедливость? Эх, что говорить, что говорить...

Тут старушка села на снег и заревела навзрыд, как малый ребенок, размазывая сохшими ладонями слезы по лицу, причитая и жалуясь на свое неприкаемое сиротство, на раздавленные каторжным трудом годы жизни, на свое вековечное несчастье, горе и обиду. Слова тонули в горьких всхлипываниях.

Невыносимо острая жалость к плачущей, сторбленной бабушке невольно охватила юношу. Он скорее подошел к ней, взял за руку и попросил:

– Не плачь. Ну, пожалуйста, не плачь. Будь по-твоему: отвезу я картошку тебе. Отвезу, честное слово. Пойдем же. Хрен тут разберешься с вами со всеми...

Сказав это, юноша несколько пал духом: тогда и он, получается, вор, соучастник хищения. Каковы бы ни были его размеры – это мерзко, гадко... это падение! В чем же честь? «Во имя чего поступить? – мрачно соображал юноша. – Во имя некоей правды, справедливости? Но где она и в чем? Я был убежден: совесть, честь – это важно. Прежде всего – совесть! Прежде всего – честь! Что в совести – суть гения человеческого существования, его происхождения и развитие. Отступать от своей главной сути – значит отступать от данного Богом и равнозначно природой предначертанного. О, жизнь! Как могут быть запутаны твои дороги! Какое мучение может быть жить! Боюсь разувериться в главной идее. Иначе останется – тихо умереть, сгнить заживо. Всегда умирают, когда уходит вера, за ней покидают силы. Мне кажется, я близок к этой черте. Дело, безусловно, не в картошке. Но бывает последняя капля, что переполняет чашу. Считается шизой своею волей навсегда остановить сердце. А не шиза ли жить и знать, что в тебе умерло все человеческое я, угасла божественная искра. Зачем пустая надежда, сопровождающаяся до гробовой доски... Что, если здесь существенен и второй момент: часто бывает и так, что для понимания исключительно важного надлежит испытать смертельный ужас, почувствовать дыхание могилы. Если я возьму в руки пистолет и поиграю им, с взведенным курком, у виска – похожу мгновения по шаткой дощечке над пропастью царства Аида. Пойму ли я еще что-нибудь? В тот момент, когда уже готов буду спустить курок – вдруг отложу выстрел... скажем, до утра. Утром погляжу: не дрогнет ли рука по-настоящему нажать на

курок. Возможно, вместо былой решимости самоустраниться придет некое философское понимание какой-то истины. Я обрету вновь равновесие и перспективу».

– Бабушка, – тихо и проникновенно произнес юноша. – Раз я дал слово, я сделаю, что обещал. Тебя же попрошу сделать одно одолжение. Скажи сначала, не завалился ли где у тебя пистолет?

– Чего, чего? Пистолет!?!.. Откуда у меня и зачем тебе?

– Я, пожалуй, перемещусь в другую реальность: схожу в гости к Богу... или к дьяволу – к кому попаду. Мне многое здесь противно и гадко. Я, как ни прилаживайся, чужой всему. Еще, знаешь ли ты, что когда что-то не сделал, но должен или обязан был сделать – уже падший, уже подлец и вор. И все это копится, подобно катящемуся снежному кому. Из мелочей, якобы незначачих, скапливается лавина едкой мути, которая и сама отравится, и погубит твое естество. Во времена былые, частично и ныне, делом чести считалось смыть позор несостоявшейся жизни, конкретных ее обстоятельств, ставящих человека на колени, с помощью пули, отправленной в собственный висок.

– Эх, сынок! Жизнь тебя еще не таким навозом накормит! – качая головой, с укоризной сказала старушка.

– Замолчи, бабуля. Я не хочу приспособливаться. Да и скоро приспособливаться будет невозможно: мутации не поспеют за изменением окружающего. На вас уже направлен пистолет, собранный из вашего невежества, сиюминутности, кичливости, самообожания, нескончаемых речей, обдуривающих и усыпляющих истину, рвачества, хамства и прочее. Достаточно еще жирной дурасти, которая грузно ляжет на курока – последний выстрел будет неумолим. В какой форме он будет? Всемирный мор от новой чумы, голод, война, глобальный взрыв... Тебе не понять, бабуля, что именно так взыскательно следует жить; не мириться со злом и иже с ним – уничтожать, невзирая на лица. Именно так только и можно что-то улучшить реально... Что ты молчишь, бабушка? Еще раз спрашиваю, есть ли у тебя пистолет или нет?

– Есть! – схитрила старуха.

– Не может быть! – опешил юноша и остановился, посмотрев в упор на невольную свидетельницу его душевной распри. – Откуда?

– От батьки моего остался. Он вишь, в гражданскую Колчака громил... или с Колчаком кого-то громил – запаматовала. Тогда знаешь, было такое: сегодня красные придут, завтра белые... Потом время было смутное, что никак нельзя без оружия: то комиссары прискачут, то бандиты наведаются. Вот он приберег пистолет... аккуратный, ладненький такой пистолетик, в деле проверенный.

– Врешь ты! Не верю.

– Вот те крест! – она перекрестилась. – Однако особливо не разбираюсь, пистолет ли то? – она еще раз перекрестилась, шевельнув губами. – Думается мне, что пистолет. Придешь и сам увидишь

– Может быть, у тебя и пулемет есть?

– Пулемета не было. А вот винтовка-трехлинейка была. Я ее на две машины дров выменяла, совсем недавно, когда еще в избе жила; охотник выклянчил винтовку. Вобщето был, вспоминается, пулемет – Максимкой отчего-то звали. Как начнет палить: тра-та-та-та – умрешь со страху. Потом начальнички в кожаных тужурках по-доброму пулемет забрали. Остальную мелочевку батяня утаил.

– Ну и ну! Какой системы пистолет?

– Не пойму – о чем ты?

– Пистолет – общее название, есть точнее: маузер, браунинг, револьвер, кольт, вальтер, наган...

– А!.. Вон о чем ты! Как будто слыхивала я такие словечки. А вот какая ситсема моего пистоля – запамятовала, прости уж старую. Но ситсема хорошая у пистолетика: самая что ни на есть убийственная – бьет прямо в лоб без промаха и осечки.

– Даже так! Самонаводящееся?.. Тьфу, ты! Шутки в сторону. Значит, договорились: картошку заносу в квартиру тебе, и ты даешь мне пистолет. Кстати, пули– то есть у тебя?

– Есть! Как же им не быть. Этого добра целая коробка.

– Какой калибр?

– Что-что? Опять я тебя не понимаю.

– Размер какой пули?

– О! Размер подходящий: такую дыру, соколик, в башке сделает, что не зашьешь и не заткнешь, все мозги разом вон вылетают.

– К твоему пистолету эти пули подходят?

– Обижаешь, сынок. Естественно подходят!

– Пуль-то много. Впрочем, много и не надо. «Жизнь! – воскликнул в душе юноша. – Возможно,

скоро придется прощаться... Возможно, и нет. Я все еще не знаю. Грустно уходить из этого мира, не изведав любви прекрасной, любимой и любящей женщины, не испытав себя мужем и отцом, не снискав воинской доблести, не возвысив себя храбростью и отвагой, не узнав восторга победы и горечи поражения. Проклятый вечер! Не знаю, способна ли пуля умиротворить, утишить мучения. Подозрительна сама старуха: пистолет с гражданской войны, хранимый для чего то. Невероятно! Да, верно, и заржавел пистоль этот... Столько лет лежал без дела. А ну, спрошу».

– Бабуля, пистолет твой скорее на ржавую железяку похож?

– Нет, соколик. Как можно такое допустить! Что я, не понимаю – такую вещь губить разве дозволительно. Отчего ему ржаветь?

– Все ржавеет, повсюду кислород, который окисляет. Смазываешь ли свою огнестрельную реликвию?

– А ты как думал! Смазываю, дружок, обязательно смазываю.

– Чем смазываешь? – строго спросил юноша.

– Вот каким маслом машинку швейную смазываю, тем и пистоль мажу.

– Пойдет. В технике, смотрю, смыслишь малость.

– В деревне у нас ходила такая пословица: я и баба, и мужик, я и лошадь, я и бык!

Старушка уже повеселела, раздумывая о смешном нечаянном попутчике. «Каким бы был мой умерший сынок? – внезапно подумала она. – Без отца бы вырос сиротиною. Ходил бы, мой сердечный, также в сумерках, как несмышленный кутенок, выискивая что-то утерянное, также выдумывая себе какие-то небылицы... Паренек этот хороший: добрый, жалостливый, разговорчивый. Зачем он так шибко думает обо всем, так не ровен час глупость отчудить можно, а там – и вовсе с хорошей дороги сбиться. Сыщу-ка я ему девку умную, простую и честную. Да и искать нечего! Вот, месяц назад заехала к нам на этаж милая дивчина Таня. Из другого города приехала – видно, здесь у нас с работой получше. Вечерами все дома сидит, в компьютер уставившись. Мне она очень помогает: в магазин ходит, в бумагах все обстоятельно растолкует. И просто так приветит улыбочкой и словом добрым – тоже сердцу отрада. И какая отрада!.. Сведу я их вместе. Семейей станут жить, чтобы и детки были. Ежели он за общее дело радеет, какую-то правду правильную хочет вызнать – так и здесь семья лучшая опора, не то один добесится до худого конца, или тоска лихая возьмет, затоскует люто: жизнь вкривь да вкось пойдет. Тут и до большой беды недалеко. Нет, лучше уж плясать от печки. Сначала оженись, обеспечь семью. После уж и думай, для чего еще родился. Домой сейчас придем, скажу ему, что пистолет соседка забрала, орехи расколоть... или нет! Скажу, что перепрятала подальше от глаз, – в сарайке, что в подвале дома, схоронила, а подвал на ночь запирается,

ключи у старшего по дому; значит, с утра надо приходиться. Дескать, прости старую, потерпи до завтра, попрощайся со всеми ладом, и вечером ко мне приходи: к этому времени пистолетик и будет готов. Сама я Танюшку приглашу, скажу – пособить требуется малость. Пока она хлопочет у меня по хозяйству, паренек этот придет. С ним обмолвлюсь, мол, не гневись на старую – ну никак не могу пистолет отыскать: не девчонке ли дала, под подолом поискал бы у нее (шутка!). Танюшке баю – паренек что-то вроде краеведа, собирает старые вещи, предметы старины, ценности добронравных времен. Вот умора будет! Сведу их, столкую – пусть хоть будут упираться, а усажу рядышком и чаем ароматным напою. Скажу, мол, сама я вам хочу что-то рассказать, простое и народное. А там и он зацепится с дивчиной слово за слово, глядишь – прилаяться тесно; окажется она лучше всякого пистолета. Влипнет в нее по уши до конца дней своих, и себя прежнего забудет. Столкнутся, обязательно столкнутся, чуется мое сердце, что будет так. У Танечки ох, какое сердце доброе! Сама она шустрая и пригожая! Осиротела недавно: родителей схоронила. И паренек замечательный, нельзя таким пропадать. Мне однажды также помогли в трудную несчастливую минуту, очень помогли не сгинуть и не пропасть. И я помогу... так-то лучше будет».

Снег все сыпал и сыпал. Так плавно и безмятежно кружились снежинки, что мягкий нежащий покой проникал и покорял приунывшего юношу. Шаг за шагом, минута за минутой – и пропадала вся суровость снега и колючесть стихающего ветра. Ничего не напоминало о течении времени, о большом городе, заполненном суетными заботами. Как будто ширилась ночь, светлела и вспыхивала чудесным светом. И стали понятны и снег, и ночь. Вдруг в какое-то неуловимое мгновение согласие внутри и вне себя почувствовал юноша, что-то открылось и упало на дно памяти, как падает проросшее зерно в тучную землю... что-то, чему еще нет слов, и что вскоре вырастет и станет ясной строкой в самостийной судьбе... В чистой, словно бы в перевозданной, тишине воскрешалась чудесная музыка в кружеве плывущих и сцепляющихся снежинок – эта удивительная музыка, напоминая забытые звуки клавесина, прогоняла смуту и открывала простую и милую красоту в этом обыкновенном снеге, серебристых небесах с блистающими звездами и в свежем морозном воздухе... а сколько же ее прибудет – простой и милой красоты – когда сойдут снега и засияет весеннее солнце! «Зачем я иду за этой бабушкой? Что за чушь я напридумывал!.. Разве мало безупречной красоты, что хранит природа, что разнесено по частям, по предметам, по людским поступкам, – взволновано думал юноша. – Как сохранить эти осколки прекрасного? Как собрать из них добрый радостный мир, пусть для начала в душе моей и близких моих? Как уберечь оставшееся, сохранить, развить, умножить?.. Сразу и не ответишь. Видно, надлежит еще многое понять и пережить, чтобы выкристаллизовался внятнейший ответ. Пожалуй, так приходит мудрость.

А пока... пока я сделаю вот что. Приду домой, беру блокнот и записываю несколько правил для себя, чтобы приземлять мечты-фантазии-желания. Основными пунктами будут:

1. Ложиться спать в одно и то же время, и спать не менее семи часов.
2. Больше физических движений: два раза в неделю встаю на лыжи, покупаю абонемент на теннис. Утром обливание холодной водой.
3. Прежде, чем что-то сделать из желания, основанного на мечте и фантазии, анализирую: – как должно быть; что хотелось бы видеть; – что есть на самом деле; – что можно изменить, приспособить.
4. Любое свое мероприятие планирую с карандашом на листке бумаги. То есть ставлю цель краткосрочную и перспективную. Разбиваю на этапы и определяю, что еще надо, чтобы задуманное осуществилось – развить новую потенцию, изучить и перенять опыт других и т. д. Результат каждого этапа сверяю с задуманным эталоном – при большом расхождении делаю корректировку.

5. Снова регулярно в театр!
6. No cigarettes and alcohol.
- 7

Что же добавить в седьмой пункт?

И только он подумал о седьмом пункте, как небо озарилось вспышкой, словно разорвалась звезда; словно комета, осколки метеорита ворвались в плотные слои атмосферы огненным дождем. Юноша протянул раскрытые ладони навстречу падающим сгусткам небесного света. Вдруг обе ладони обожгло. Он увидел темное пятно на правой ладони. Словно это и был седьмой пункт, отменяющий первые шесть. Это черная небесная метка точно была послана, чтобы сказать, что он навсегда умер для реальной жизни. Но это не значит, что он самовольно может лишиться себя жизни. Это значит, что душа его открылась, чтобы прочитать до конца одну из глав небесной книги мудрости, данную в чудесных ощущениях, чем обогатит себя и своих окружающих.

Наконец, ему стала понятна фраза: «Нам книги вырыли могилу».

Просто, живи и не мучайся своей непохожестью, не подгоняй себя под общие стандарты. Тогда в реальной жизни для счастья будет достаточно глотка свежего воздуха и солнечного лучика – всего этого добра предостаточно. Вслед за этим придет человеческое тепло от самых неожиданных людей.

Ее сто первый мужчина

«Египту угрожало нашествие чужеземцев и, неспособный более отразить их, он готовился достойно погибнуть. Египетские ученые (по крайней мере, так утверждает мой таинственный информатор) собрались вместе, чтобы решить – каким образом сохранить знание, которое до сих пор ограничивалось кругом посвященных людей. Как спасти его от гибели.

Сначала хотели доверить это знание добродетели, выбрать среди посвященных особо добродетельных людей, которые передавали бы его из поколения в поколение.

Но один жрец заметил, что добродетель – самая хрупкая вещь на свете; что ее труднее всего найти; и, чтобы сохранить непрерывность преемства при всех обстоятельствах, предложил доверить знание пороку. «Ибо последний, – сказал он, – никогда не исчезнет, и можно быть уверенным, что порок будет сохранять знание долго и в неизменном виде»...»

из книги «Цыганское Таро». Д-р Патюс

Лариса шла быстро, украдкой бросая короткие взгляды на отдаленные силуэты прохожих, замедляла или наоборот – ускоряла шаги, если вдруг усматривала знакомые черты. Ей совсем было некстати столкнуться лоб в лоб со своим сумасбродным начальником и иже с ними. Великим благом было бы прошмыгнуть мышкой в помпезную дверь с невозмутимым и важным охранником и юркнуть в маленькую каморку в конце коридора служебных помещений, названной гардеробной уборщиков служебно-бытовых помещений. Сама же каморка располагалась в лучшей стоматологической клинике города.

Лариса, разумеется, была здесь уборщиком, что чрезвычайно ее забавляло, словно судьба прикалывалась в очередной раз... Всего их было трое, почти одного возраста, – трое симпатичных молодых женщин только что отметивших свое тридцатилетие или бывшие накануне этого знаменательного события.

Тридцать лет! Магический рубеж. Уже так много позади: уже познана и влюбленность, и любовь, и разлука, и материнство. Испита горечь и сладость измен, мимолетных увлечений. И все под соусом молодой горячности, свежести и веры в свою исключительность. Что еще такого-растакое осталось впереди? Лариса легко могла ответить за других, предугадать чужую судьбу, но о своей узнать не желала. Так гадалка и ведунья, разбирая по косточкам чужую вневременную жизнь, к своей относится с предощущением соприкосновения с великой тайной бытия.

Кажущаяся нелогичность поступков Ларисы была за правило. Вот сейчас она по каким-то своим непонятым соображениям опаздывала на работу, потеряв которую, осталась бы совершенно без денег. Голодная нищенская смерть вряд ли грозила: на худой конец была мама-пенсионерка, друзья-знакомые... Лариса вообще слыла компанейской девчонкой. Даже суровый охранник в ответ на веселый приветственный взмах ее руки расплывался в улыбке. Вторым движением Ларисы часто был недвусмысленный вопросительный жест: свободен ли путь ее, нет ли в холле завхоза, ее непосредственного начальника? Охранник легким кивком головы разрешал сомнения девушки.

Сегодня Лариса действительно опаздывала: обычно приходила на 15–20 минут позже положенного, и выловить и уличить ее было затруднительно; но чуть более этого времени – и она пробиравалась по коридорам клиники, как по раскаленным углям. Вот она проскочила

охранника, холл, повернула в вестибюль и – е-мое! – услышала вдогонку хриплый бас именно того, из-за кого и шла, крадучись.

Это был завхоз – пятидесятипятилетний дядька с внушительным животом, отвисшими щеками с багровым

оттенком, и маленькими заплывшими глазками. Ладони у него были белые и маленькие, как и сами ручки в целом, отрафинированные длительным, – если не потомственным, бездельем. Так же и в ботинках угадывались ступни ног, удивляющие своей малостью, несоответственной с куполообразным животом, отяжелевшими щеками, покатым лысым черепом; ножки, созданные преодолевать путь из кабинета в автомобиль, из автомобиля в кресло перед телевизором. Зато голос завхоза гремел и властвовал – это был развитый инструмент власти. Сам завхоз для пущей важности и увесистости еще больше раздувался и ширился в животе и лице. И голос его, подобно рабочему инструменту трудяги, творил словесные опусы, рвал, метал, пивайкой влезал в душу подчиненного или, как боец на ринге, примеривался и так и сяк, меняя тональность, напор, силу, мастерски используя продвинутый сленг, элементы высокой поэтики, чтобы подчинить своей воле ошарашенного слушателя.

Лариса ускоренным шагом дошла до гардеробной и скакнула за дверь. Басистый голос завхоза следовал за ней. Завхоз широко распахнул дверь гардеробной и шагнул в раздевалку.

– Ой! – взвизгнули молодые женщины, отвернулись и постарались спрятаться за дверцы шкафчиков для одежды. – Иван Львович! Почему без стука? Мы переодеваемся.

– Переодеваетесь!? Вы полчаса назад должны были это сделать и двадцать минут с ведрами и тряпками заниматься уборкой... хмм... трусики какие у тебя интересные, Ксюша: цветочки, как на полянке в майские деньки, цвет какой-то необычный.

– Как вам не стыдно, Иван Львович! – ответила возмущенно Ксюша, не зная, куда деться от наглых глаз. Ее шкафчик стоял как раз напротив двери; оставалось разве что залезть внутрь. – Не успели зайти, как разглядели нижнее белье.

– А под трусиками еще интереснее! – со смехом сказала Лариса и вышла навстречу завхозу, точно отдавая себя на заклятие. – У вас женщина есть? – живо поинтересовалась Лариса. – Может быть, вам, гражданин начальник, сделать эротический массаж?.. Шваброй по члену! Ха-ха-ха! Можно прямо сейчас. Смелее, господин завхоз. Расстегивайте штанишки!

– Чокнутая, – в замешательстве пробормотал завхоз и попятился.

– Ага! Хотите выйти. Давайте выйдем, чтобы девушек не смущать, – и Лариса с гордо расправленными плечами прошла в вестибюль.

– Вы понимаете, что нарушаете трудовой распорядок дня? – грозно спросил завхоз, быстро пришедший в себя.

– Слова-то какие: «трудовой распорядок», скажите еще: «Шаг влево, шаг вправо – равнозначен побегу. Расстрелять и растоптать на месте». Не понимаю я «трудовой распорядок». Что в восемь часов начну я мыть полы, что в девять – полы от этого чище не станут.

– У нас не какая-нибудь шарашкина контора, куда приходят, когда хочется и работают, как хочется. Здесь не позволено работать спустя рукава и систематически нарушать трудовую дисциплину.

– Оеей! Да если бы вы сами не опоздали – и меня не поймали бы.

– Это не ваше дело. У меня свой начальник, которому я обязан давать отчет.

– Понятно. Мы – никто. Нас можно шпынять и гонять, как хочется. Мы – поломойки, которых не отличишь от тряпки в помойном ведре.

– Не переводите стрелки в другую сторону. Вам делают справедливое замечание. Я вижу, одних устных замечаний мало. Пишите объяснительную, почему опоздали, а я, скорее всего, премию вам скорректирую.

– Хорошо, напишу, – спокойно сказала Лариса и поинтересовалась вскользь: – Про ваш комплимент писать?

– Какой еще комплимент?

– Как же! Вы сделали комплимент Ксюше, что у нее красивые трусики! – Лариса хохотнула. – Обязательно отмечу этот интересный факт!

– Почему вы дверь не закрываете на защелку, когда переодеваетесь? – грозно спросил уязвленный завхоз.

– Стучать надо прежде, как в женскую гардеробную заходить.

– Я буду ходатайствовать за дисциплинарное взыскание с лишением премии за месяц! – кипел от негодования завхоз.

– Давайте, лишайте. С нашей копеечной зарплаты только премии и срезать, – спокойно ответила гордая девушка.

– Не нравится работа – увольняйтесь. Желающих много к нам наняться.

– А это уже мое дело, сама как-нибудь разберусь, – Лариса резко повернулась, быстро зашла в гардеробную и с оглушительным треском закрыла за собой дверь на защелку.

– Объяснительную! – успел гаркнуть вслед завхоз.

– Да пошел ты, дубина толстомордая, – сказала негромко Лариса. Она редко позволяла себе оскорбительные словечки. Если уж получалось само собой, то так, чтобы не касались они ушей, кому адресованы. Сбивать себя на ругань, брань, склоки было не в ее правилах – это сор, издержки, бесполезная трата сил.

– Премии лишит, – доложила она женщинам. – И так жить не на что. Ну, я ему сделаю кое-что. Он меня попомнит. Какую бы гадость ему, девчонки, сделать?..

Тамара – худосочная, бледная, с едва обозначившимися бедрами и грудью и, между тем, большими карими глазами – брякнула:

– В суд подадим. За домогательство!

– Это ты про что? – удивилась Лариса. – Про Ксюшины трусики?

– Нет. Помнишь, как-то он у нас здесь сидел больше часа и спрашивал, допытывался: что такое куннилин-гус... куни захотелось сделать! Ффу!

– Пустое, – махнула рукой Лариса.

В чем-то они были похожи, Лариса и Тамара. Обе хрупкие и легкие, одного роста, тонкие губы, острые черты лица, быстрые движения, – чаще нервные, изломанные. У Тамары чуть больше плавных линий в фигуре, чуть красивее глаза и чуть больше основательного в семейном укладе. У Тамары есть положительный муж, не пьющий и не гуляющий, но с невысокой зарплатой. У Ларисы – нет такового. Вернее, был, да сплыл.

Она рано вышла замуж. Уже будучи на сносях, пережила длительное беспробудное пьянство муженька, который был намного старше ее. Когда полупьяный-полупохмельный непотребный муж валялся на диване в забытьи и прострации, она искала любовь на стороне. Искала именно любовь, – яркую, острую, раздирающую унылую серость неудачного брака и, как ни странно, примеряющую с опостылевшим мужем. Примерял сам поиск и многочисленные находки, оставлявшие чудесные ощущения и воспоминания... Потом, после пяти лет загулов, муж разом бросил пить, закодировался. И вот он, трезвый и положительный, готовит обед и ужин для юной жены, убирается в квартире, таскает тяжелые сумки из магазина. А Ларисе стало вдруг тошно – она сердцем ощущала, что любви нет.

Когда распрекрасный муженек месяцами и годами был дружен с алкоголем, в сердце жила слабая надежда, что когда-нибудь он очухается, бросит пить и придет время настоящей любви. За все упущенные годы они наверстают в самой яркой огромной любви. Оказывается – нет. Никакого чувства, возвышающего и окрыляющего, в холодеющем сердце не отмечалось. Спать без любви даже с мужем было омерзительно. Лариса вернулась к маме и своей дочке. Мама

взяла на воспитание внучку еще при выписке Ларисы из роддома, – та была семнадцатилетней новоиспеченной мамашей, которой было недосуг исполнять трудные обязанности по вскармливанию грудного ребенка, когда в наличии шальный ветер в голове и взрослый муж, срывающийся в затяжные загулы. Лариса устроилась работать реализатором в один из многочисленных продуктовых ларьков, и худо-бедно стали жить они втроем, пока не случилась страшная беда, снова перевернувшая ее жизнь...

Тамара заморожено постигала перипетии судьбы Ларисы, сама же решиться не могла разорвать со скучным мужем ради какой-то призрачной эфемерной любви, каких-то неоднозначных чувств, ощущений. Иногда она призадумывалась: так ли развита ее чувственность, можно ли усилить ощущения? Однако благоразумное чувство медленно укрепляющегося семейного достатка: собственная доля в квартире, верный муж, вкальывающий на двух работах, хорошенькая дочка, подержанная иномарка – остерегали ее от шальных поветрий в голове.

Третий и последний член их маленькой бригады уборщиков – Ксюша. Она лет на чуток постарше своих напарниц. Уже два раза была замужем, у нее двое детей от разных мужей. И теперь готовилась к вступлению в третий брак.

Со вторым мужем она еще не закончила бракоразводный процесс, и пока они жили вместе: Ксюша, двое детей, второй муж официальный и третий муж гражданский. Второго мужа Ксюша искренне презирала и удивлялась, как могла выйти за такого замуж: лентяй, пьяница, тряпка. В своей комнатухе, которую Ксюша ему отвела на период завершения раздела имущества, он либо спал, либо бездельничал, либо с несказанным блаженством тихо пил-запивался, равнодушно наблюдая, как у бывшей жены развивается новый роман. А новый кавалер любвеобильной Ксюши – разведенный молодой мужчина – поселившись у них, заполучил сразу два удовольствия: жгучую ненасытную женщину и удобного не утаиваемого собутыльника под боком. Разумеется, Ксюша судорожно искала варианты обмена квартиры, дабы удалить подальше бывшего и оградить от его пагубного влияния нового, пока еще гражданского мужа.

– Томка, чайник ставь! Я же торт принесла! Совсем из-за этого толстопуза забыла, – спохватилась Лариса.

– Опять на завтрак купила торт? – с легкой укоризной полюбопытствовала Ксюша.

– И на завтрак, и на обед! Ха-ха-ха!

– Ты – безалаберная. Как можно целый день есть один торт? Я, вот, суп принесла. Борщ с галушками.

– Фи! Борщ! Да с утра – не хочу! Вообще не люблю суп.

– В чайнике почти кипяток. Как включу, сразу закипит, – уведомила Тома.

– Замечательно. Схожу-ка я покурю.

– Поела бы сначала, – попробовала урезонить Ксюша.

– Я для аппетита покурю. Потом кофе и торт, потом снова покурю.

– Ну и ну! У тебя здоровья через край, видимо, – удивилась Ксюша.

– А то! Ха-ха-ха!

Для завтраков и обедов в гардеробной стоял обшарпанный письменный стол. Официально (Правилами внутреннего трудового распорядка) запрещалось в гардеробной пользоваться нагревательными приборами. Между тем, в часы, отведенные на обед, отсюда в коридор прорывались дразнящие аппетит запахи разогреваемой пищи. Кроме электроплитки, микроволновки и чайника, случись пожарная инспекция, можно было обнаружить и электробигуди, и наоборот – электрораспрямитель волос, утюг, декоративную лампу собственноручно кем-то и когда-то сделанную невесту из каких не сертифицированных материалов, магнитоу, радио-

приемник, ворох зарядных устройств и т. п. и т. д. Ответственным за противопожарное состояние помещений и пожарную безопасность в целом был завхоз.

– Следующий торт куплю с клубникой, – сказала, облизываясь, Лариса. – Или суфле? Нет сначала с клубникой.

– Ты, Тома, чего не ешь? Попробуй юблинчиков. Вчера напекла. Ешь, не стесняйся, – говорила участливо Ксюша худосочной бледной напарнице. – Правда, чуть соды переложила.

– А ты уксус добавляешь? – вдруг живо поинтересовалась Тома.

– Нет. А зачем?

– Я добавляю. Никак не могу понять, почему блины прилипают... Может, и не надо уксус, но меня свекровь этому научила.

– Ты ей уксусу налей! – едко заметила Лариса. – Разбавленного, естественно, лишь бы язычок прижег. Ха-юбха-ха!.. Шутка. Не делай так никогда!

Раздался громкий стук в дверь.

– Блин, влипли, девчонки! Опять завхоз. Опять начнет парить: время десятый час, а вы все чай распиваете, – не на шутку испугалась Ксюша, да и Тома стала еще бледнее.

– Мне плевать. Я объяснительную пишу, – с редким философским спокойствием нехотя обмолвилась Лариса, смакуя при этом кофе.

– Ты же еще и полслова не написала? Где бумага, ручка? – удивилась Ксюша.

– Я должна обдумать, как правильно написать. Орфографию и синтаксис вспомнить. Я ведь кроме эсэ– мэсок ничего не пишу. Институты я не заканчивала. Я и запятые не знаю точно – где ставить. Не посоветоваться ли с адвокатом о содержании объяснительной? Вот чего думаю еще... ха-ха-ха!

– Девчонки, давайте быстренько со стола убираем. Скажем: шьем тряпку для пола, – хлопотала Ксюша.

– Шейте, а я буду кофе допивать.

Ксюша вытащила из шкафа полутораметровый в ширину рулон мешковины, положила на пол и быстро отмотала метр-другой. Тома направилась к входной двери. Открыла ее и облегченно вздохнула.

– Иван, это ты! Напугал нас до смерти, – с укоризной сказала Ксюша.

– Ванька! Хрен ты лысый, чего стучишься, как завхоз? – дополнила Лариса.

– Девчонки, чайку бы чашечку. Сушняк во рту и муть в голове... че набросились-то, как бешеные? Закрылись че? – быстрым говором выпалил Иван-Ванька, слесарь-сантехник, он же электрик. Это был среднего роста паренек, широкий в покатых плечах, с крепкими волосатыми руками, с модной татуировкой, аляповатым простецким лицом и лысой, по моде выбритой головой.

– Закрылись, потому что переодеваемся. Так велено нам завхозом! – резюмировала Лариса и пригласила опешившего паренька: – Да ты заходи: переодеться всегда успеем!

– Ты у нас чаю выпил на целую тысячу! Когда в кафешку поведешь? – игриво спросила Ксюша.

– Да хоть сейчас, только я весь поистратился: купил сноуборд, костюм к нему, ботинки и т. д. – на тысячу зеленых потянуло!

– Зачем тебе сноуборд, Ваня? Купил бы санки, да с горы ледяной. Сноуборд?! Полгода на него работать.

– Нет! Сноуборд – это кайф, это шик! На целую неделю ощущений хватает. Хочу теперь горный велосипед на лето купить. Двадцать одна скорость в нем.

– Коробка передач, должно быть, автоматическая? – нарочито серьезно полюбопытствовала Лариса. – Мама, не горюй!

– Не-а! Ручная... Какая еще коробка? Че подкальываешь!? Вот, смотри-ка, – Ваня вытащил сотовый телефон Nokia последней модели. – Кому что загрузить: музыка, картинки, мультики? Налетай, подешевело!

Он стал демонстрировать приколы и прибабасы своего сотика. Лариса живо придвинулась к Ване, примериваясь, что бы скачать в свой не менее крутой телефон – изящную дорогую раскладушку Моторола. У Тома также загорелись глаза.

– Ксюш, давай и тебе закачаю. Музон есть классный. Как раз для тебя. Трое в лодке, не считая прошлых.

– Ты, Ванек, сам доподкальываешься. Что поделаешь, если мне хронически не везет с мужиками?!.. А телефончик у меня простенький, туда и закачивать некуда.

– А че не купишь как у нас?

– На такой телефон мне два месяца работать. У меня дети, их кормить, обувать, одевать надо.

– В кредит возьми, можно и на два года оформить.

– Я уже плачу целых два кредита: холодильник двухкамерный и мебель брала. Да и для чего мне телефон по цене хорошего телевизора? Звонить он лучше не станет.

– Ну, как знаешь. Тома, смотри, мультишка какая есть или сигналы: смех прикольный, последний хит убойной группы.

– У меня чего-то телефон глючит. Не пойму ничего, – растерянно сказала Тома.

– Ты не так делаешь, – Лариса в очередной раз стала объяснять, как правильно раскрывать папки и файлы, приемы навигации.

Тома чрезвычайно внимательно слушала. Тем временем Ваня осушил чашку чая размером в пивную кружку и заскреб в затылке.

– Че-то засиделся я у вас, – простодушно отметил он. – Мне главврач сказал установить дожиматель на дверь в коридоре... ну, доводчик двери. Я к завхозу за дожимателем, а он мне говорит: нет у меня его, есть резина; возьми, вырежи полосу и прибей к двери. Я че? Подобрал резину в подсобке. Ну, так и сделал. Так меня сейчас главврач в пух разнес! Про какую-то эстетику баял. Дескать, красивая импортная дверь и на ней резина с рваными краями. Я че?.. Что дали, то и прибил. Наверно, он сейчас завхоза и в глаз, и в бровь тянет. Что, дескать, как в плохом колхозе – пофигизм сплошной. Одному лень подобрать что нужно, другой, не задумываясь, прибывает, что ни попадя. Скажут – и резинку от трусов прибьет. Интересно, о чем тогда завхоз думает?

– В том-то и дело, что ни о чем. Или о том, чтобы ему не мешали спать в кабинете. В понедельник от него перегаром разит за версту. Во вторник – чем-то вроде корвалола-валерьянки. К четвергу, вроде как, в себя приходит. Шастать начинает по этажам, по туалетам. Проверяет качество уборки. В пятницу веселый ходит, зараза, а после обеда уже норовит домой удрать, – толковала Лариса. – Я его повадки изучила!

– Девочки, давайте выходим работать. Время – десять часов. До обеда опять не успеем кабинеты помыть, – урезонила Ксюша, спохватившись при упоминании завхоза.

– Пойдемте, – согласилась Лариса. – Ванька, уматывай за новой цивильной резинкой; от своих трусов резинки не дадим. Ха-ха-ха!.. Переодеться, Ванюша, надо.

– Девочки, а порошок стиральный кончился, что ли? – спросила недоуменно Тома, также засобиравшись на выход. – Ведь на прошлой неделе получали.

– Я домой взяла половину, – призналась Ксюша без тени смущения.

– Как же теперь мыть?! Завхоз всегда заглядывает в ведро, когда проходит мимо, – кладу ли я порошок.

– Вон, в банке еще немного пемолюкса осталось. Ты бросай его по чуть-чуть.

– Пемолюксом я раковины мою.

– Да чего их мыть, водой ополоснула – и так пойдет!

– Нет, Тома права, – вступилась Лариса. – Давайте, если и таскать домой чего-либо, так поровну. Помнишь, осенью ты все почти перчатки унесла в огород свой, картошку что ли копать. А мы потом чуть ли не голыми руками целую неделю пол мыли.

– Ну, бывает, просчиталась: хапнула лишка. Ладненько, я же не против. Просто раньше об этом разговору не было. А я вот считаю, что половину нашего порошка, мыла, туалетной бумаги, что по нормам нам положено, забирает себе завхоз. У него семья еще больше чем у меня, и друзей, говорят, не меряно. У кого бы узнать, сколько вообще нам положено? Может быть, у главврача поинтересоваться? Давайте ему нажалуемся на завхоза. Порошком нас не обеспечивает, тряпки гнилые. Мы их шьем, шьем – он говорит чай распиваем, лодыря гоняем.

– Точно! Я напишу в объяснительной: опоздала потому, что зашла купить стирального порошка, которым нас не обеспечивает завхоз. А без порошка качественно и производительно сделать уборку затруднительно. Ха– ха-ха!

Чистая прибыль в пересчете на здравый смысл

Игорь Михайлович, главный врач, просматривал прайс-листы на стоматологическое оборудование и прикидывал в уме, какую сумму в долларах следует запросить у единственного инвестора частной клиники и, одновременно, ее незадачливого владельца.

Прикидывал в уме и на пальцах, потому что прежде предстояло убедить хозяина стать действительно хозяином: крепким, основательным, просвещенным. Не гнаться за высокой прибылью, но иметь устойчивый, хорошо налаженный бизнес, иметь лицо, равно репутацию ответственного коммерсанта среднего класса. И потом, концептуально подготовив собственника, предоставить полный расклад: сколько, как и когда.

Пока они, – их бизнес платной медицинской услуги, на плаву, так как расположены на бойком месте: в двух шагах от центра, рядом транспортные и пешеходные развязки, одна из городских площадей, обилие магазинов, выросших разом бок о бок. И любому, кого донимает зубная боль, кто растерял зубы по тем или иным причинам, сплоченная медицинская команда готова реально и конкретно продемонстрировать преимущества платной медицины как своеобразное и надежное капитальное вложение в собственное здоровье.

И что немаловажно, еще в советское время это здание изначально было выстроено как поликлиника. Представляло собой двухэтажное кирпичное сооружение, построенное с немецкой основательностью. Как гласит история города, это одно из зданий, выстроенных немецкими военнопленными – солдатами гитлеровского вермахта, вознамерившимися перестроить мир, – под дулом сталинских чекистов.

Ими был выстроен целый городской квартал, отличавшейся от последующих построек именно немецкой основательностью с элементами готического стиля. По прошествии шестидесяти лет эксплуатации на здании не было ни одной трещинки, словно это был исторический памятник практичного и крепкого немецкого уклада жизни здесь, в уральской глубинке, куда никогда не ступала вражеская нога. Торцом здание выходило на оживленный центральный проспект и метров на сто простиралось в тенистый переулок с высоченными полувековыми рябинами и стройными липами.

В окно кабинета Игоря Михайловича заглядывали ветви рябины. Зеленые листья были похожи на сильно прореженную гроздь винограда сорта «дамские пальчики». Ранней весной, когда солнце мощным потоком встряхивала оцепенение, ветви в строго симметрично порядке выбрасывали точки роста, из которых вытягивались резные листочки. Нежная зелень с приходом полноценного лета темнела, сквозь нее уже просвечивала нежная зелень тугих гроздьев ягод. Калейдоскоп красок рябины менял обрамление окон кабинета в течение всего года и в течение рабочего дня. Осень оставляла на долгую зиму невыразимые ощущения сгорающих листьев, которые порой разом, один за другим, как в сказочном сне, летели вниз, точно желая

своей сочной багряной акварелью нарядить напоследок и землю-матушку. На темно-коричневых ветвях оставались рубиновые гроздья сладко-горьких ягод. Вслед за этим, по мере укрепления стужи, из лесов перекочевывали стайки симпатичных снегирей. Эти милые птички долгую зиму радовали глаза. Они – округлые, пушистые, неторопливые – как новогодние шары на праздничной елке, алели на заснеженных рябинах. Быстрыми взмахами маленьких крыльев перелетали с ветки на ветку, изумленно и чуть жалобно попискивая на мягкой приятной ноте.

Есть люди, которые только своим присутствием преобразуют окружающее к лучшему. И как будто они, на первый взгляд, ничего особенного и не вносят из реальных предметов: все то же самое, но установлено чуть не так, в какой-то неуловимой взаимосвязи с высшей красотой. Неизъяснимое тепло легкой волной плещется вокруг, и каждый входящий в этот, все-таки, особенный мир на мгновение застывает пораженный чем-то новым, чему не находит слов.

Таков был Игорь Михайлович. Его рабочий кабинет, говоря современным языком, мог бы стать пособием по некоему подобию фэншуя, причем ни одной книги по фэншую он не прочитал. Быть может, благодаря этому любой переступивший порог начинал мыслить чуть по-другому. Даже владелец клиники с обостренным вниманием пробовал постигнуть иную реальность, обосновавшуюся в его стенах.

Игорь Михайлович никогда не готовился к встрече фактического хозяина: никаких подтасовок, никакого замыливания глаз – строго по существу и в том виде, как оно есть. Вся его готовность заключалась в надлежащем исполнении своих обязанностей. Строгий самоконтроль. Если хозяин и осаживал, то в другом – в неумном стремлении главврача сделать лучше.

Когда главный врач лицезрел владельца клиники, пытался разрешить некий физиономический казус. А именно: что меняет лица? Дело в том, что он хорошо знал владельца клиники. Мир тесен! Когда-то будущий хозяин был обыкновенным инженером по охране труда крупного предприятия, которое по известной, накатанной схеме успешно разделили на части, перепродали и обогатились. В ряды держателей контрольного пакета акций затесался каким-то образом и инженер по охране труда. Разом оброс деньгами, выгодно продав свой кусок завода, и стал состоятельным бизнесменом, новым русским буржуйчиком.

И враз стройная гибкая фигура шустрого инженера стала матереть. Шея сравнялась с головой, скулы расширились, рельефно обозначив всегда напряженные желваки. Щеки раздулись, как у гигантского хомяка, и голова стала похожа на усеченный конус. Словно напрочь снесло мозги, словно произведена тотальная чистка, усекновение ненужного. В первую очередь коснувшееся лишних секторов мозга, отвечающих за нечто высокое и гуманное... за совесть, что ли. Второе изменение – это прогрессирующее ожирение вследствие ежедневных переяданий и сладкого безделья. Огромный живот – как копилка удовольствия от кулинарных изысков. Вечно приподнятое элитными алкогольными напитками настроение. Платный секс с живыми сексуальными игрушками. В глазах почившего инженера Гоши и обращенного в барчука Георгия Вадимовича появилось дремучее выражение первобытного человекоподобного чудовища с огромной физической массой и куцей черепной коробкой.

Как только время перевалило за полдень, массив Георгия Вадимовича живой карикатурой человека-горы ввалился в кабинет Игоря Михайловича. Короткое рукопожатие было более похоже на запрещенный прием в силовой борьбе, осаждающий партнера на место ниже себя, на колени. Но силы в руках Игоря Михайловича было больше, поэтому здесь этот прием не срабатывал.

– Ты че, все еще лыжами занимаешься? Никак не могу до боли сжать твою руку... хоть бы поддался, ведь я твой босс, патрон, – сказал полушутя Георгий Вадимович.

– Точно так. Лыжами, как и прочей физрой³, занимаюсь и поныне.

³ Физическая работа – прим. автора

– Ладно, тогда прощаю. Я-то давно на другой спорт перешел, чтобы и физра была в моционе-рационе, – он глянул на вошедшую вслед за ним секретаря Нелю. – Главное, правильную секретаршу подобрать!

Игорь Михайлович скользнул взглядом по длинноногой красавице Неле и выказал на лице заученную любезную улыбку. Не ля ответила тем же. Сколько этих нель-маш-свет у патрона было – не счесть; как, быть может, и у нее – подобных денежных мешков. Но этот тандем шефа и секретарши, чудовища и красавицы, похоже, со временем только крепчает.

– В свое время не просчитался, что взял в помощники секретаршу с двумя высшими образованиями. Магистр! Во как! Такие легко обучаемы.

«Магистр ордена куртизанок?» – хотелось спросить, но сказал механически:

– У тебя хороший вкус.

– Она у меня многофункциональна. И секретарь и пресс-атташе, массажист, диетолог и телохранитель... в смысле – телообожатель.

– Дальше говорить не надо. Короче говоря, универсал... Разрешешь перейти сразу к делу?

– Валяй! – патрон грузно плюхнулся в кресло и закинул ногу за ногу. Неля, как веселая птичка, примостилась рядышком, не преминув сверкнуть красивыми ногами.

– Понимаешь, Георгий Вадимович, конкуренты начинают наступать на пятки. Появляются компактные зубокабинеты, оснащенные новейшим оборудованием. Пока у них лечение несколько дороже. Но на таком оборудовании, как у них, услуга должна быть качественнее. Клиент, в настоящее время, начинает предпочитать дешевизне качество.

– Хочешь сказать, не справляешься, теряешь клиентов и пора назначить топ-менеджера. Например, Нелю приставлю здесь коммерческим директором... А что – идея! Только она мне пока нужна. Ты же не один у меня такой исполняшка.

– Я хотел сказать о другом. Мы уже с вами говорили. Необходимо начать техническое переоснащение клиники, кардинальную реконструкцию. У нас есть огромное преимущество – в этом здании испокон была зубокабинетная клиника. Можно создать непотопляемый бренд. Не упустить момент, и все сделать вовремя.

– Это точно, момент упускать нельзя, – Георгий Вадимович на миг задумался и глянул на Нелю, которая тут же поправила прическу, извлекла из сумочки утонченный элегантный нетбук, служивший ей и записной книжкой, и мультитулом с функциями электронного делопроизводителя.

– В принципе, мне необходимо одно: чтобы вы озвучили решение взяться за техническое переоснащение клиники. Затем предоставлю подробную пояснительную записку с прайсами, с затратами, сроками, условиями. Конечно, на данном этапе необходимо вложить немалые деньги. Потратиться весьма существенно.

– Ты это мне предлагаешь потратиться?

– Странный вопрос. Вы – единственный владелец этой клиники. Какие могут быть варианты?

– Вариантов много. От ничего не делать до поиска заинтересованного источника финансирования. И вообще...

– Решать вам. Делать, не делать, и где брать деньги. Чтобы мне не заниматься пустой работой, мне все-таки крайне важно знать ваше конкретное мнение о перспективах клиники. Я полагаю так: вкладывать деньги в реальный проект все-таки гораздо выгоднее, практичнее, целесообразнее, чем сливать деньги в какой-нибудь кипрский банк. Или тратиться на роскошь.

– Ну, это ты так считаешь. Есть и другие мнения.

– Мне нужно ваше мнение конкретно по клинике.

– Я знаю, ты – классный врач. Я бы сказал – супер! Ты бессеребник – это тоже установлено. Ты хочешь в заштатном городке обосновать европейскую клинику... а скажи: где возь-

мешь людей, персонал? Также выпишешь с оборудованием? И кого будешь лечить масштабно? Это народное быдло? Да им достаточно вышибалы – для бесплатного удаления гнилых зубов.

– Насчет персонала вопрос весьма уместный. Действительно, где взять компетентных и правильно мотивированных работников, с головой вовлеченных в работу?

– Где их возьмешь? Купим оборудование, и кто на нем будет работать? От одного вида наших врачей заболеть можно.

– Организация работы должна также поменяться. Это целая система мотивации и прочего и прочего. Здесь огромный фронт работы.

– Ты представляешь, сколько надо сделать, чтобы все было на цивилизованном уровне? Все у тебя: должно, обязаны, будет...

– Представляю. И скажу вам, что делается в плане работы с персоналом...

– Да ладно меня парить! – оборвал патрон. – Не хочу ни смотреть, ни слушать. В холле грязь: уборку как следует сделать не могут, а ты говоришь – работа ведется. Не вижу! На этот счет я завхоза сейчас отмечу. Деньги за что ему плачу?!

– Вопрос интересный. По-моему, человеку просто дают доработать до пенсии, – с горьким сарказмом вымолвил Игорь Михайлович и тут же поправил себя: – Скорее, не доработать – досидеть.

– Сейчас я ему дам выволочку! Досидеть?! У меня что тут, богадельня?! Он не знает, что целью моего предприятия является получение прибыли?!

– Неправильно, – решительно возразил Игорь Михайлович. – Целью должна быть удовлетворенность клиента. На этом все и должно строиться, в том числе – и бизнес. В уставе ни одной западной фирмы не найти подобной формулировки.

– Ты меня учить собрался? Ты живешь как будто не в России.

– Я живу в красивом городе, в котором родился и вырос. Живу среди людей, которых донимают беды и несчастья, дурость и безответственность, боль душевная и физическая. И я не хочу и не могу хоть чем-то усугубить ситуацию, в которой все повернулись задом как друг другу, так и к самому пониманию Человека.

Георгий Вадимович повернулся к Неле и спросил несколько ошарашено:

– Ты что-нибудь поняла?

Неля перевернула плечиками, подумала: «Почему у симпатичных мужчин столько непонятной хрени в голове?.. Чего не скажешь про Патрона: гадкий, отвратительный, но прогнозируемый», и сказала:

– Врачи, приступая к самостоятельной работе, дают клятву Гиппократу. В ней что-то и на этот счет есть. Слово еще такое есть... на г начинается...

– Говно? Поменьше говна?

– Нет, этого как раз должно быть больше... гуманизм! Или гуманность! Какое из них правильнее, решать вам, – выдала секретарь с двумя высшими образованиями.

– Офонареть! На передаче «выиграть миллион» такое не загадывают! Короче, Склисофский, кого лечить будем: тебя, меня, общество?

– Давайте начнем с прикладного варианта. То есть качественно лечить от зубной боли, делать людям белоснежные зубы, чтобы они почаще улыбались и говорили побольше добрых слов. Тогда и глобалистика не повернется задом.

– По мне – так лучше задом, – сострил Патрон и заржал. Неля улыбнулась измученно-смушенно. Игорь Михайлович поморщился. – Ты начинай о своем прикладном варианте. Мы слушаем.

– Хорошо. Постараюсь уложиться в десять минут, чтобы не насиловать ваше внимание. И так, изначально лечение от зубной боли было сущим кошмаром для любого, пожалуй, человека. Поэтому всячески старались отстрочить визит к стоматологу, пока не распухнет щека и от дикой боли не свернет голову. Вследствие чего зубная полость катастрофически быстро пре-

вращается в гниlostную помойку со всеми вытекающими отвратительными последствиями, как-то: вонь изо рта, токсическое отравление, постоянно действующий источник инфекции и первый очаг грядущего истощения и дряхления...

У Георгия Вадимовича и Нели словно непроизвольно заныли зубы и, угадав этот момент, Игорь Михайлович быстро переключился на позитив:

– Современные подходы кардинально меняют ситуацию. Лечение без боли становится сродни визиту в косметический салон, где один только высочайший уровень сервиса добавляет самосознание собственной ценности, соответственно – красоты, обаяния, шарма. Кстати, в современной стоматологии предусматриваются и релаксирующие процедуры... Представляете, мы можем на наших площадях открыть и диагностический центр, собственно, пролечивающий, профилактический, косметический. Все в одном месте! Красота начинается с белоснежной улыбки и основывается на легком ясном сознании, очищенном от пагубы стрессов. И многое из этого можно сделать в этих стенах. Здесь, конечно, не будет сумасшедших дивидендов, но будет репутация долговременного бизнеса, позволяющего как рядовым работникам, врачам, так и владельцу вести достойную жизнь. Жизнь, обеспеченную собственным трудом, материально, и оставляющую время на качественный отдых...

– Во сколько обойдется это удовольствие мне? Какова сумма и доля моего участия? – снова бесцеремонно оборвал Патрон (так за глаза его звали).

– Девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч, – быстро ответил Игорь Михайлович.

– Шуткуешь?!

– Именно столько. Как раз под эту сумму подгонял. Дадите больше – сделаем больше.

– Я разве тебе говорил, что готов потратиться? Ты не думаешь, что элементарно нет бабла в наличии?!

– Разве не вариант – кредит под инвестиционную программу с минимальными процентами? Проценты с лихвой перекроются прибылью!

– Дак ты и бери этот кредит! Сделаю тебя полноценным исполнительным директором с соответствующими правами и полномочиями... Что, боишься рискнуть?

– Как-то не задумывался на этот счет.

– А ты задумайся. Расти будешь во всех отношениях. В командировку езжай, детально изучи вопрос о выборе оборудования. Куда лучше ехать: Германия, Израиль?.. Поедешь не как главврач, но директор. Директор, японо-мать! Думай-думай. Даю два дня. Пошли-ка, Неля, к завхозу зайдем. Я ему сейчас конец света устрою, ядрена лядь.

Игорь Михайлович остался несколько ошарашенным внезапным предложением Патрона о повышении своего статуса, подразумевающего также дополнительное бремя забот. Быть может, будет больше возможности реализовать задумки по качественному изменению клиники?.. Наконец начнет осуществляться заветная мечта: полностью переоснастить стоматологическую клинику новейшим оборудованием от ведущих производителей, обучить персонал, и таким образом существенно поднять уровень предоставляемых услуг, при этом сделать частную клинику доступной широкому кругу населения, чем и будет обеспечена достойная зарплата всем сотрудникам, в том числе и себе.

Он не рассчитывал, что так скоро удастся убедить Патрона выделить деньги. Поэтому важно начать переоснащение, пусть и небольшими рывками. Разбить техническое переоснащение вверенного хозяйства на несколько этапов, чтобы не прекращать прием нуждающихся в стоматологическом лечении, и каждый отчетный финансовый период заканчивать с установленной прибылью.

Требуемый процент прибыли устанавливал владелец клиники. Патрон не разбирался в тонкостях зубоврачебного мастерства, и бывал в своей клинике изредка, наездами, как только что.

И каждый раз, глядя на пресыщенную физиономию хозяина, Игорь Михайлович пробовал понять: почему хозяин, по сути своей барышник и биржевой игрок, купил именно стоматологическую клинику, а не мясокомбинат или бензоколонку? Может быть, когда-то донимала зубная боль или безалаберные стоматологи, методично искалечившие своим безответственным лечением некогда жемчужно белые, как на подбор, молодые здоровые зубы, так достали, что Патрон, поддавшись редкому благовому порыву, вознамерился подтянуть убогую больничку к европейским стандартам?.. Что более вероятно – он купил то, что осталось. Вложил полулегальные чумовые деньги в нечто более реальное, чем в съедаемые скачущей инфляцией денежные знаки.

Прежнее начальство клиники Патрон немедленно уволил по понятным причинам и поставил во главе хорошего специалиста-практика, лучшего врача, добросовестного и ответственного, не пустослова с хорошо подвешенным языком, создающего лишь видимость серьезной работы. Это был Игорь Михайлович, и было это пять лет назад.

Владелец клиники словесно делегировал Игорю Михайловичу многие права исполнительного директора и удалился в далекое графство Люксембург по другим, не связанным с клиникой делам – развивать другое (основное) направление бизнеса и, как повелось у новых русских, кутить и гулять по старушке Европе, шокируя местные нравы роскошью, блудом и пьянством.

Так в одночасье рядовой врач стал единовластным администратором клиники. Надо сказать, что Игорь Михайлович всегда был приверженцем политики постепенных и тщательно обдуманных реформ, принципу постоянных улучшений. Ему физически претил революционный радикализм: сломать до основания, разрушить в пыль, стереть напрочь. Он был уверен, что заблуждения и ошибки иной раз стоят того прозрения, что за ними следует... если, конечно, голова в порядке и совесть не пропитана, не продана, не состоит в залоге за сытую жизнь.

Основную ставку Игорь Михайлович сделал на техническое переоснащение клиники. Вместе с новым оборудованием появится новый подход к работе, новые формы ее организации и оплаты в несопоставимо большем размере. Также существенно повысятся требования к квалификации врача, к его умению качественно и производительно работать. Появятся те самые новые люди: прогрессивные, ответственные, грамотные, вовлеченные.

Если работник был крепче баобаба в своих сугубо личных убеждениях, в которых проблемы клиники и близко не стояли, его следовало отпустить на вольные хлеба с выходным пособием. Под эту линию увольнялись бы сами те работники, которые не могут работать в новых условиях, поскольку возрастут требования, – ведь зарплата станет напрямую зависеть от результатов стоматологического обслуживания клиентов. Причем, все это было запущено с первых дней работы Игорем Михайловичем – главврачом. Важно было повысить вовлеченность каждого в общее дело, двигая, развивая которое общими усилиями, двигается, развивается и каждый в отдельности.

Между тем, из года в год клиника стала быстро преображаться, как всегда бывает, когда в доме появляется настоящий хозяин. Росла репутация как медицинского заведения, качественно и недорого оказывающего Услугу по комплексному стоматологическому лечению. Появились очереди – основание и необходимость расширения как базы, так и спектра Услуги.

А тогда, пять лет назад, получив новое назначение, подразумевающее и повышение по службе, и целый комплекс непростых проблем, первым делом совершенно изменился взгляд на существо своей жизни. Игорь Михайлович как раз отметил свой юбилейный сорокалетний рубеж. Впереди, казалось бы, целая жизнь и, быть может, еще столько же лет. И сам он крепкий, здоровый, спортивного вида мужчина, так же, казалось бы, полон нерастратченных сил.

Однако за эти пять лет руководства клиникой его импозантная шевелюра слегка вьющихся русых волос резко посветлела серебром седины. Он вдруг ясно и остро осознал, что будет исход его физическим силам, и не все мечты-задумки сбудутся. И как раз физические силы нужны, чтобы взрастить в себе душевные силы, с помощью которых открывается завеса загадочного собственного бессмертия, причем в данной реальности, здесь и сейчас, – увидеть большее и жить согласно ему.

Поэтому, проще говоря, дабы что-то весомое и ценное состоялось у него, следует быть четче, избирательнее, безжалостно отмести лишнее, невразумительное, поверхностное, наносное. А что осталось – с величайшим усердием двигать вперед, развивать, усовершенствовать, подчинить себя высочайшей самодисциплине, иметь в голове четкий идеал и хранить его как талисман. Такая вот непростая задача!

Заведующий хозяйством

Георгий Вадимович, выйдя из кабинета своего «исполняшки», с какой-то новой заинтересованностью прошелся по этажам клиники: развеять сомнения, что здесь все чики-чики (в полном порядке), зуболечебный механизм заведен правильно и гарантирует хоть и небольшую, но устойчивую прибыль. А если и в самом деле порядок, то сделать беспорядок. Потому что есть свои задумки относительно будущего больнички... Испокон веков у людей болели зубы, болят и пусть болят дальше! Но о здоровье начинают беспокоиться, когда его уже нет. Когда здоровые тратятся – сорят деньгами, не задумываясь. Следовательно, есть вариант размещения здесь более прибыльного бизнеса. Он усмехнулся и грозно посмотрел на Нелю. Та мигом вынула блокнотик и приготовилась записывать замечания шефа для дальнейшей проработки.

Шеф усмехнулся повторно и еще кривее. Неля растерялась. Что хочет шеф, было выше ее понимания, хотя неременным условием стабильной работы являлось наличие способности с полуслова угадывать желания хозяина. Памятуя это, она наморщила лобик. Ведь только что хотел разнести в пух завхоза, а зачем-то ходит по коридору, заглядывает в кабинеты и словно никого не видит. Может быть, ищет свободную кушетку, чтобы оттрахать ее. Такое у него бывает! Рассердится, распалится, того и гляди порвет первого встречного. Здесь применим для разрядки грубый секс с элементами садо-мазо. Страшно! Но что делать, в словесном контракте было сказано однозначно: задирать юбку по первому же требованию, и самой научиться получать удовольствие от того, что он получает удовольствие.

Неля вздохнула украдкой: опять придется долго поправлять прическу, а то и покупать новое платье, которое Патрон порой любит рвать пополам, имитируя насилие... И что такое случилось сегодня, чтобы снять возбуждение садо-мазо? Не напомнить ли о завхозе?

– Шеф, мне поискать завхоза? Толстого гадкого завхоза, как вы в прошлый раз его назвали.

– Памяти, смотрю, у тебя прибыло!

– У хорошего хозяина все прибывает! – польстила Неля.

– Растешь, девочка! Сейчас мы завхоза раком поставим! Хочешь позабавиться?

– Еще бы! – весело ответила она и подумала с усмешкой: «Лучше его, чем меня».

А в это самое времечко тот самый злосчастный Иван Львович сидел в полудреме за рабочим столом и вполглаза поглядывал на дверь. Настораживал уши, чтобы предупредить входящего и принять подобающий рабочий вид. Для этого на столе было приготовлено три журнала, в котором якобы следует сделать запись: в одном – о техническом состоянии здания, во втором – о движении отходов производства, а в третий... третий журнал он выхватил для весу, еще и не разобрал как называется, да и вряд ли к концу дня ему светило добраться до этого журнала.

«Чердак трещит⁴. Не соображается и не думается». Так бы и написал во всех трех, да и еще тридцати трех журналах: «Пошли вы все на хрен, толстый и вонючий!» Взять бы, да уйти в бессрочный отпуск!

Но тогда клиника задохнется в дерьме и неразберихе. Не привезут вовремя препараты, материалы. Не свезут в стирку спецодежду. Не вывезут на утилизацию отходы. Лопнет батарея системы отопления. Прорвет водопроводную трубу, зальет канализационными стоками подвал. Уборщицы подпалят гардероб. Ванька Дураков, слесарь-электрик, перепутает гаечный ключ с диэлектрическими клещами (что уже было!) замкнет и обесточит всю клинику, и пациенты с недолеченными зубами побегут вышибить зубы кому-нибудь из администрации, и скорее всего – ему, завхозу Ивану Львовичу.

Во, какая важная и ответственная у него работа! А платят сушие гроши, если перевести в доллары. Платили бы вдвое больше, появился бы стимул хорошо работать. А сейчас... Иван Львович глянул по сторонам, и от невообразимого бардака вокруг стала одолевать зевота. Шкафы переполнены отчетами, справками, накладными и прочим канцелярским хламом. В углу стоят коробки с фаянсовыми унитазами, свалены в кучу смесители и еще неизвестно что. Пожалуй, если разобрать наваленное добро, можно и еще что-то полезное обнаружить... а возможно, как раз и дверной доводчик, который потребовали установить пожарные, и вместо которого Ванька прибил эластичный жгут для перевязки. Массивный сейф был наполовину забит запчастями к стоматологическому оборудованию, отчего никогда не закрывался на ключ, да и ключа, честно говоря, не было.

Сонный взгляд завхоза остановился на картонной коробке с унитазом, и наконец-то мелькнула хорошая мысль – пустить унитаз на продажу как некондицию. Соседу по даче за пару бутылок водки обменять. А то и самому может сгодиться: установить такой унитаз в летнем туалете и культурно справлять нужду. Иван Львович решил примерить сантехническое устройство по своему заднему месту. Покряхтывая, встал, вынул унитаз из коробки и сел на него. Удивительно – мыслей в голове прибавилось! Первым делом представил, что было бы неплохо оборудовать кабинет собственным туалетом и рукомойником. Потом...

Дверь резко распахнулась, и шумно ввалился Георгий Вадимович. Вслед влетела Неля. У троих округлились глаза. Завхоз привстал с унитаза, невольно придерживая штаны

– Не понял!? Мы куда зашли: в сортир или кабинет? Ну-ка, Неля, что на двери написано.

Неля мигом исполнила:

Заведующий хозяйством Иван Львович Подкорытов – бойко ответствовала Неля. – Часы приема по личным вопросам каждый четверг с пятнадцати ноль-ноль до семнадцати часов двенадцати минут.

– Ты еще и часы приема установил? Сиди, не вставай! Целых два часа в неделю занимаешься неположенным для твоей должности делом. Лучше бы раз в неделю порядок у себя за столом и вокруг стола наводил. Почему вокруг такой срач!? Сесть у тебя нормальному человеку некуда, – Георгий Вадимович не нашел ничего лучшего, как взять первый попавший под руку стул, стряхнуть наваленную сверху кипу бумаг прямо на пол и сесть посреди комнаты на этот стул, закинув нога за ногу. – У тебя уборщицы вообще чем занимаются? У тебя, командира obsługi, ничего не моется и не убирается!?

– Я их сюда не пускаю.

– Почему?

– Отравят.

Георгий Вадимович переглянулся с Нелей, словно поверяя: не ослышался ли.

– Народ сейчас злой, работать не хочет... а деньги с их зарплаты попробуй, урежь! Начнут пакости делать. Заразы рассыпят по углам. И потом болезни одна за другой на тебя навалятся.

⁴ Голова болит – прим. автора

– Дустом травят? Или палладием?

– Ртутью, – серьезно отвечал завхоз. – В углу находил разлитую ртуть.

– Сам наверное градусники разбил. У тебя не кабинет, а склад. И даже не склад – свалка!

– Храню здесь, чтобы не воровали. Самое ценное здесь, под моим присмотром. Так надежнее.

– Ну и ну! Хреновый ты менеджер, раз народ обозлить только и сумел. Гнать, пожалуй, тебя надо. В качестве выходного пособия этот унитаз получишь. Золотой он у тебя станет! Если прикинуть, сколько потеряешь, лишившись у меня работы.

Бедный завхоз снова привстал с унитаза и, словно рыба, которую вытащили из привычной среды, тяжело задышал, судорожно заглатывая воздух. Сдавленным голосом прохрипел:

– По миру меня пускаешь, хозяин. На моей шее два кредита под залог квартиры. Всего разом лишусь.

– Это твои проблемы.

– Без ножа режешь, а я тебе как собака предан.

– Чего-то не шибко схож на собаку. Ну-ка встать на четыре лапы и погавкай!

Иван Львович мигом встал на четвереньки и гавкнул глухим басом. Раз, другой, третий...

– Опа! Похоже. Побегай здесь, проверь углы комнаты.

Завхоз шустро забегал по комнате, собирая грязь на коленки и ладони.

– Ты нюхай угол, нюхай. Нет запаха чужих кобелей... нет?! Теперь пометь углы-то... как кобели метят? Ножку приподнял и говори «пись-пись».

– Пись-пись, это мой кабинет, – завхоз без колебаний бросился исполнять унижительную клоунаду. – Пись-пись, никого не пушу... пись-пись, это мой кабинет, гав-гав-гав!

Патрон и Неля ухохатывались. Правда, Неля поеживалась от страха: чего еще взбредет на ум Патрону? На ее счастье этим концертом он удовольствовался. Затем послал Ивана Львовича мыть руки, отряхнуться и привести уборщицу, чтобы та сделала уборку.

Пришла Лариса, которую завхоз выхватил, когда она уже собралась уйти на обед в кафешку. На ней были модные джинсы, тоненький джемпер – все это плотно обтягивало ладную тонкую фигуру. На ее лице сияла улыбка избалованной красавицы, знающей свою настоящую цену.

– Что ж ты плохо работаешь, дочка, – укорил Патрон тоном давнего приятеля.

– Я другой участок мою. В эту берлогу он никого не пускает, – ничуть не смущаясь, ответила Лариса.

– Пока, я вижу, ты дефиле устраиваешь. Другой, не другой участок – больничка одна. Раз уборщица, где тряпки, ведра? Где хотя бы рабочий вид, рабочий халат?

– Где? В Караганде! Я на обед собралась. Вы можете в ординаторской посидеть. Там чисто и никого нет. Дверь можно закрыть на замок. После обеда помоем у Ивана Львовича. Тут нам всем троим работы хватит.

– Толковая работница. Старательная... – подошедший завхоз начал было ее расхваливать, но она так насмешливо на него глянула, что тот поперхнулся на полуслове.

– Ладно, идем в эту ординаторскую. Ты шлепай на обед. А ты, – Патрон обернулся к Неле, – сбегай в наш магазинчик. И небольшой фуршет для нас двоих в ординаторской устрой.

Тем временем, пока Неля выполняла указание, Патрон и завхоз уселись в ординаторской друг против друга. Пристальный взгляд хозяина, буровивший подчиненного, тяжелел с каждой секундой. Иван Львович нервно ерзал на стуле. Стал рассказывать анекдот, чтобы как-то отвлечь хозяина. Но тот, не мигая и не меняя выражения лица, молча смотрел в упор.

– Ты когда перестанешь быть шутком? – презрительно спросил Патрон. – Не надоела тебе эта больничка?

– Надоела... а куда деваться без работы? А я же, сам знаешь, только на руководящих должностях могу работать.

– Прирожденный руководитель! Как о тебе раньше говорили. Где бы ни быть, но только у руля. Сейчас это называется менеджер. Хочешь быть топ-менеджером? Главным менеджером здесь?

– Хочу... но куда Игоря Михайловича деть? Снова в рядовые врачи определить? Достал своими новыми порядками. Меня вздумал учить!

– Сейчас время такое, что деньги надо быстрее делать! А много ли с больнички заработаешь? Помнишь ли, как первый капитал с тобой сколачивали? Открыли цех по розливу водки. Из технического спирта бодяжили водку! Деньжища рекой текли. Народ после сухостоя Горбача истосковался по обилию водки. И никто не проверял: из чего водку делаем. Я на эти деньги, водочные, больничку купил... и еще кое-что. А ты, как водится, прокакал денежку: в какой-то фонд вложил, типа Упер-Хопер-Инвест, а для подстраховки – в Перемудит-МММ... нда! Я сам деньги проворачивал. Больничку напоследок купил, уже не на прямые водочные деньги, и держал, потому что условием покупки было сохранить профиль заведения. Мне и договор на этот счет сделали, на пять лет. Время давно прошло. Теперь эти стены мои. И что разместить в этих стенах – тоже мое дело. Улавливаешь? Со спиртом сейчас бизнес не сделаешь, нужно что-то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.